
ЯН

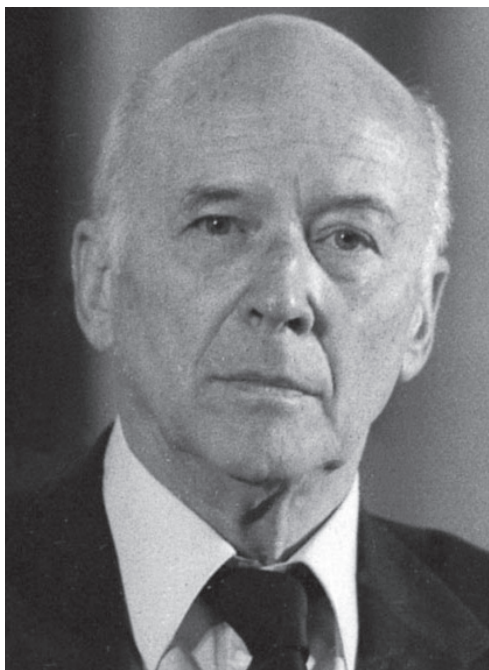
НОВАК-ЕЗЁРАНЬСКИЙ

**ВОСТОЧНЫЕ
РАЗМЫШЛЕНИЯ**

БПЛ БИБЛИОТЕКА
ПОЛЬСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ







Ян
Новак-
Езёранский

Восточные размышления

Сборник статей
и интервью
1991–2003

Санкт-Петербург 2015

Copyright © Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2014

Copyright © Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego, 2014



Издание осуществлено при поддержке
Польского института в Санкт-Петербурге



Перевод выполнен при содействии Института Книги
в рамках программы POLAND Translation Program

Перевод с польского *Екатерины Ветровой*
Составление и предисловие *Анджея Бжезецкого*

Новак-Езёранский Я.

Восточные размышления: сборник избранных статей и интервью 1991 — 2003; пер. с польск. Е. Ветровой. — СПб. : Когита, 2015. — С. 128

ISBN 978-5-9907788-0-1

Один из величайших поляков XX века, курьер подпольной Армии Крайовой, основатель польской секции радио «Свободная Европа», политик и публицист Ян Новак-Езёранский в своих размышлениях о взаимоотношениях Польши с восточными соседями многое сумел предвидеть. Без его статей и его полемики с Ежи Гедройцем довольно трудно понять то, как видят поляки проблемы безопасности своего государства, почему они так стремились войти в Североатлантический альянс и как хотели бы развивать свои отношения с Россией, Украиной, Белоруссией и Литвой.

В 2014 году Коллегиум Восточной Европы во Вроцлаве, который был основан Яном Новаком-Езёранским и носит его имя, и Оссолинеум (Национальный Институт имени Оссолинских) издали сборник его статей, посвященных внешней политике Третьей Республики Польша. В оригинале он называется *Rzeczpospolita atlantycka* («Атлантическая республика»). Настоящий сборник представляет сокращенный вариант этого издания.

© А. Бжезецкий, статья, 2015

© Е. Ветрова, перевод, 2015

© Т. Косинова, перевод, 2015

© ООО «Издательский дом «Когита», 2015

ISBN 978-5-9907788-0-1

Содержание

| | |
|---|------------|
| Предисловие от составителя | 6 |
| I. Как строить польскую внешнюю политику | 9 |
| Советские планы в отношении Польши | 10 |
| Объединение — это безопасность. | 14 |
| Может ли история повториться? | 18 |
| Угроза Польше продолжается | 27 |
| II. Россия. | 42 |
| Два столпа безопасности Европы | 43 |
| Давайте отличать друзей от врагов | 49 |
| Угроза пассивности | 54 |
| Россия преступная, Россия правдивая | 60 |
| III. Украина | 70 |
| Польза общественной дипломатии | 71 |
| Уступки уже были | 77 |
| IV. Беларусь | 80 |
| Очень длинный рубеж. | 81 |
| Пробудить белорусов. | 89 |
| V. Литва | 96 |
| О, Литва, отчизна моя! | 97 |
| VI. Исторические дилеммы | 102 |
| В клещах | 103 |
| Патриотизм в тени Кремля | 115 |

Предисловие от составителя

XX век вместе со всеми катастрофами дал Польшу счастье иметь в своих рядах выдающихся деятелей, сумевших достойно представлять основы польской государственности. Они действовали и в стране, и в эмиграции. Ежи Гедройц, Ян Новак-Езёраньский и их младшие соратники Владислав Бартошевский, Бронислав Геремек, Тадеуш Мазовецкий — вот герои новейшей польской истории. Эти люди смогли сохранить польский стержень в тяжелейшие годы польской истории и передать его Третьей Республике.

В кругу польских государственных деятелей Ян Новак-Езёраньский (*Jan Nowak-Jeziorański*, 2 октября 1914, Берлин — 20 января 2005, Варшава) — личность выдающаяся, хотя в России мало известная. Выходец из типичной варшавской интеллигентской семьи, годы взросления которого выпали на начало II Мировой войны, он вступил в антигитлеровское подполье. Его величайшим подвигом стали конспиративные поездки из оккупированной Польши в Лондон для передачи документов варшавского подполья Правительству Польши в изгнании. Он это делал разными способами, порой прячась в угольном бункере какого-нибудь корабля. В эмиграции бывшему подпольному курьеру удалось завоевать доверие американцев, которые поручили ему управлять польской секцией радио «Свободная Европа» (аналог радио «Свобода»). Эта радиостанция стала на несколько десятилетий источником правдивой информации на польском языке и сыграла величайшую роль в движении поляков к независимости.

Ян Новак-Езёраньский был человеком действия — энергичным, бесстрашным, иногда вспыльчивым, при

этом интеллектуалом и мастером слова. Он оставил после себя огромное эпистолярное наследие: книга его воспоминаний «Курьер из Варшавы» давно стала настольной для каждого поляка, интересующегося историей своего народа; он был острым наблюдателем текущей реальности и ее умелым комментатором. Вернувшись в Варшаву и будучи на пенсии, до конца жизни он живо интересовался польской и международной политикой и делился своими наблюдениями с соотечественниками на страницах ведущих газет.

Этим изданием русский читатель открывает первую подборку публицистики Яна Новака-Езёраньского 1991–2003 годов о политике взаимодействия с ближайшими соседями на востоке — Россией, Белоруссией, Украиной и Литвой. Они написаны в годы, когда Езёраньский часто приезжал в Польшу из США и, в конце концов, осел в Варшаве. Он уже не занимал никаких должностей ни в Польше, ни за границей и не исполнял никаких политических функций, но до конца своих дней принимал участие в общественной жизни.

Не удивительно, что в этих текстах важную роль имеют размышления о польско-российских взаимоотношениях. Ян Новак-Езёраньский знал, какой проблемой для Польши может быть российский империализм и писал о необходимости его предупреждения. Сегодня его комментарии последних чеченских войн — после войны в Грузии в 2008 году и циничном участии России в поддержке сепаратистов на Украине — по-прежнему сохраняют актуальность.

Но Ян Новак-Езёраньский не был русофобом. Он видел в россиянах лучшие стороны и знал, что история особенно жестоко обошлась прежде всего с ними самими. В 2000 году он писал: «Итак, у России два лица. Одно —

ужасное, нечеловеческое и преступное, которое проявилось в Катыни, Медном и Харькове, а сегодня заново проявляется в Чечне. И есть второе, которое мы видим в героическом признании лжи собственного прошлого и очищении своего народа от совершенных преступлений. Можно двояко рассматривать россиян: как виновников Катыни или как товарищей в беде и жертв той же самой нечеловеческой системы. Ведь останки убитых по приказу Сталина русских перемешаны или соседствуют с могилами поляков»¹.

Он не устал писать полякам о России, потому что знал, какое огромное значение имеет процесс примирения народов Европы. Свидетель катастроф XX века, он был горячим сторонником примирения поляков с их соседями — в том числе с ближайшими восточными. В своих текстах он выделял особую роль общественной дипломатии, роль культуры в диалоге между народами, потому что верил: слово действует эффективнее больших денег и бронированных дивизий.

В 2015 году, когда польско-российские отношения вновь осложнились, стоит издавать тексты таких поляков, как Езёраньский. Они оставляют надежду на то, что диалог возможен. Даже сегодня в наших странах есть люди, которые хотят взаимопонимания между нашими народами. Меня радует, что российский читатель имеет возможность познакомиться со взглядами одного из самых важных поляков XX века.

*Краков, 10 сентября 2015
Андрей Бжезецкий
Пер. Татьяны Косиновой*

¹ Ян Новак-Езёраньский. Россия преступная, Россия правдивая // «Газета Выборча», 04.03.2000. № 54 ; пер. Е. Ветровой. См. с. 69 настоящего издания.



I.
Как строить
польскую
внешнюю политику

Советские планы в отношении Польши

«Związkowiec», 30 июля 1991

Опасения, которые рождает советское давление на Польшу и другие государства распавшегося Варшавского договора, нашли подтверждение в сенсационном документе, который недавно попал на страницы американской прессы. Это директива Международного отдела ЦК КПСС от 22 января сего года, носящая название «О развитии ситуации в Центральной и Восточной Европе и нашей политике в отношении этого региона».

Авторы директивы считают, что ситуация, возникшая в Центральной и Восточной Европе, представляет для Советского Союза серьезную опасность. Называют три источника этой опасности: прекращение действия Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, тенденции бывших государств-сателлитов к сближению и связям с Европейским экономическим сообществом и Североатлантическим альянсом и объединение Германии, а также потенциальные этнические конфликты, которые могут нарушить спокойствие и равновесие в простирающейся вдоль западных границ СССР зоне.

Из директивы следует, что Советский Союз собирался сделать все, что возможно, чтобы Центральная и Восточная Европа снова оказались в советской зоне влияния. Нельзя допустить, говорится в директиве, чтобы регион Центральной и Восточной Европы стал источником реальной или даже потенциальной военной угрозы для

СССР. Также нельзя разрешить возникновение в этом регионе каких-либо иностранных баз и вооруженных сил. Нельзя допустить, чтобы страны бывшего Варшавского договора могли заключать союзы между собой или с другими государствами, помимо Советского Союза.

Январская директива нашла уже свое отражение в советском проекте так называемых двухсторонних договоров о дружбе, предложенных Москвой правительствам стран Центральной и Восточной Европы. Как нам известно, проект был решительно отвергнут Польшей, Чехословакией и Венгрией. Слухи об отказе Горбачева от требований, ограничивающих суверенность этих государств, не нашли подтверждения. Возникает вопрос, как Международный отдел ЦК КПСС представляет себе возвращение контроля над бывшими государствами-спутниками? Авторы директивы видят два пути, ведущие к этой цели. Первый должен состоять в использовании экономической зависимости стран Центральной и Восточной Европы от Советского Союза.

«Восточная Европа получает из СССР от 70 до 80 процентов своей потребности в нефтяном сырье и от 95 до 100 процентов природного газа. Ослабление зависимости от этих поставок не находится в нашем интересе. Экспорт энергии в Восточную Европу следует считать важным инструментом нашей стратегии в этом регионе».

Трудно более честно и открыто обозначить ситуацию. Второй путь к возврату утраченного влияния должен пролегать через союзы с коммунистическими и «демократическими» партиями.

«Немалую важность мы отводим существующим и потенциальным союзам с коммунистическими партиями. Независимо от наших сильных связей с левыми

силами необходимо налаживать связи с другими партиями широкого политического спектра с учетом их роли и удельного веса в распределении общественно-политических сил». Директива рекомендует налаживать сотрудничество с профсоюзами и молодежными организациями.

Документ, о котором идет речь, можно найти в ежемесячном бюллетене ЦК КПСС за март этого года. Его достоверность не вызывает сомнений. Стоит задуматься, что он может значить в контексте сегодняшней ситуации в Польше, которая вступает в необычайно критический предвыборный период. Во-первых, всецело свободные и демократические выборы должны сформировать Сейм, который примет новую конституцию, то есть будет решать вопросы устройства Третьей Республики Польша, а также правительство, самой важной задачей которого станет защита вновь обретенного суверенитета и демократии. Это новое правительство будет вести трудные и опасные переговоры с восточным соседом. Москва же будет смотреть на эти выборы с точки зрения своих стратегических целей. Они были обозначены в советской директиве однозначно: возвращение утраченного контроля над Польшей.

Директива говорит об экономических и политических средствах. Катастрофический спад польского экспорта в СССР повлечет за собой в предвыборный период дальнейшее снижение производства, прибыли и поступлений в казну и, прежде всего, рост безработицы. Уменьшение экспорта само по себе не несет с советской стороны характера намеренной политической акции. Оно является следствием банкротства советской экономики и касается не только Польши, но и всех стран, имеющих торговые отношения с Советским Союзом.

Но русские не только импортируют товары из Польши, но и также являются главными поставщиками, в первую очередь, нефтяного сырья и природного газа. Экономическое и особенно политическое давление состоит в том, что Москва вынудит платить в твердой валюте за все, что она продает Польше, и откажется платить за то, что в Польше покупает. За доллары, заработанные в Польше, русские купят товары где-нибудь в другом месте. В торговом обороте во всем мире используется так называемый *clearing*, то есть взаимозачет причитающейся суммы в иностранной валюте. Сторона, которая больше ввозит, чем вывозит, платит только сальдо. По такой схеме считаются и советские торговые сделки с западными странами. В случае с Польшей русские отслеживают каждый доллар за каждый нефтяной баррель, а в то же время отказываются платить за товары польской промышленности, заказанные и уже произведенные.

Примером может послужить отказ оплачивать семь кораблей, построенных по советскому заказу на верфях Щецина и Гданьска. Это метод, который напрямую ведет к краху польской промышленности со всеми политическими следствиями этой катастрофы.

В директиве Международного отдела советского ЦК также следует, что в своих стараниях по возвращению утраченного доминирования Москва будет пытаться использовать традиционные связи с бывшими компартиями. Выборы, проводимые в такой неудачной экономической ситуации, могут дать результаты, которые станут угрозой независимости.

Возможность обществу осознать данную угрозу — это веление времени. Перед лицом внешней опасности необходимо сомкнуть ряды всему лагерю, который отвоевал Польше независимость и демократию. Выступив

солидарно, он отобрал у красных власть. И, чтобы не воплотилась наша польская поговорка «где двое дерутся, там третий наживается», нам нельзя создавать искусственные линии водораздела в своих тылах. Нет необходимости показывать пальцем на этого «третьего». Мы хорошо знаем, кто он и где находится.

Объединение — это безопасность

«Gazeta Wyborcza», 3 июня 1994, № 127

Президент Лех Валенса в прошлом году решил приурочить празднованию 50-летней годовщины Варшавского восстания и операции «Буря» международный характер. Он пригласил в Варшаву 1 августа 1994 года глав государств и глав правительств Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, Германии и России, то есть не только бывших союзников, но и врагов.

Есть шанс того, что «съезд монархов» станет из-за своей уникальности символическим аккордом, завершающим ялтинскую эпоху. На минуту внимание мира будет приковано к Польше, что позволит напомнить ему о нашем участии в победе над гитлеровским Рейхом и нашей роли в победном завершении холодной войны.

Однако как в самой Польше, так и в эмиграции слышны голоса выступающих против приглашения глав двух государств, которые в 1939 году совершили очеред-

ной раздел страны, допустив на ее землях преступления, не имеющие себе равных в истории. Эти протесты породила память об обидах, которые не сможет забыть никто, переживший это время.

Сегодня на нас лежит историческая ответственность — предотвратить в будущем любые возможности повторения оккупации и разделов нашей страны. Но, стремясь к этой цели, мы должны руководствоваться не эмоциями, пусть и самыми понятными, а холодным умом.

Чтобы Польша не стала жертвой еще одного заговора между Германией и Россией, мы не можем культивировать вечную вражду в отношении этих могущественных соседей.

В отношениях с Германией переломным моментом в масштабе тысячелетия стало безусловное признание ею сегодняшней границы с Польшей. Современная Германия не может продолжать *Drang nach Osten*, поскольку должна была бы отказаться от огромных преимуществ, которые ей дает членство в НАТО и Европейском союзе. Поэтому она была вынуждена подписать с Польшей договор. Однако более важным является то, что он был ратифицирован подавляющим большинством немцев. Немецкие националисты, не отказавшиеся от мечтаний о возврате земель, потерянных на востоке, оказались на втором плане. Решающий перевес получили те, кто ищет постоянного взаимодействия с Польшей.

Никто не может гарантировать, что когда-нибудь в будущем за Одрой (в Германии — Одером) националисты не придут к власти и не толкнут немецкого великана вновь на дорогу экспансии. В какой-то мере мы можем это предотвратить, поддерживая тех немцев, которые протягивают нам руку для урегулирования.

В то же время трактовка всех без разницы немцев как вечных и смертельных врагов, распространение ответственности за преступления, совершенные гитлеровским Рейхом на следующие поколения, будет усиливать наших противников и отталкивать друзей.

Ненависть и вражда будят ненависть и вражду. Немцы, видящие в поляках непримиримых врагов, будут более склонны искать союзников против Польши в российском национализме.

Путь Польши в НАТО и Европейский союз лежит через Германию. Правительство ФРГ, генеральный секретарь НАТО Манфред Вёрнер и немецкий министр обороны Фолькер Рюэ стали главными поборниками раскрытия над Польшей зонты НАТО. Я был в Брюсселе, где Рюэ уверял западных скептиков, что психологический барьер между Германией и Польшей удастся преодолеть. Если бы это оказалось невозможным, дорога в НАТО для Польши была бы закрыта.

Приглашение представителя бывшего врага на празднование годовщины восстания — это жест поощрения и прощения.

За несколько лет до этого первым таким жестом стало письмо польских епископов епископату Германии, озаглавленное «Прощаем и просим прощения». Оно вызвало нападки на церковь сверху, а также повлекло за собой аутентичные движения возмущения и протеста в Польше и в эмиграции. С временной перспективы мы видим: письмо привело к перелому в настроениях немецкого общественного мнения и открыло путь к признанию границы на Одре и Нысе. Епископы продемонстрировали, что путь к ее укреплению лежит через взаимные уступки. Приглашение президента Германии может принести Польше такие же положительные последствия.

Приглашение президента Ельцина было бы неуместным, если бы он представлял преступный Советский Союз. Но Ельцин, по собственной инициативе возложив венок к Катынскому памятнику в Повонзках, допустив поляков к массовым захоронениям на территории России и представив документы Катынского преступления, хотел, наверное, показать, что Россия отделяется от СССР. Однако лагерь Ельцина и его противники открыто стремятся к восстановлению под российским флагом советской империи и сфер влияния, включающих бывшие государства-сателлиты.

Польша защищается перед этой опасностью, стараясь вступить в НАТО. Она решительно выступает против намерений ограничить ее суверенитет, но вместе с тем настроена на единение с восточным соседом. Русские не должны видеть в Польше непримиримого врага, готового всегда объединиться против них с каждым потенциальным противником. Третья Речь Посполитая стремится показать, что забота о собственной безопасности не является враждебным действием в отношении России. Приглашение Ельцина должно это подчеркнуть. На фоне этнических и территориальных конфликтов, например, на землях бывшего СССР и бывшей Югославии, Третья Речь Посполитая демонстрирует миру, что она является стабильным государством, терпеливо налаживающим отношения с соседями, особенно с Германией и Россией. Польша вернула меньшинствам их права и старается умиротворять этнический антагонизм. Подобная политика обеспечила Польше положение в мире, которое она не достигала с 1918 года. И именно это положение до сих пор является единственной гарантией нашей безопасности.

Празднование 50-летия Варшавского восстания не только отдаст дань воспоминаниям о прошлом. Благодаря присутствию глав пяти держав, включая двух давних врагов, оно послужит на благо сегодняшней Польше.

Может ли история повториться?

«Gazeta Wyborcza», 29 мая 1996, № 124

В течение 200 лет Польша три раза пережила раздели. Поэтому мы должны помнить, что никакие союзы не защитят нашу независимость, если мы сами не обезопасим себя перед внешним врагом. Ведь в Польше где-то дремлет скрытая потенциальная «пятая колонна».

Историки когда-то вели споры о том, виноваты ли в падении Речи Посполитой поляки или захватчики, которые силой предотвратили восстановление Польши после падения. Правда находится не совсем посередине, а, скорее, объединяет и первых, и вторых.

Не подвергается сомнению, что в саксонские времена Речь Посполитая находилась на дне морального и политического упадка. Формально Август II был избран в результате последних свободных выборов. В действительности он был выбран голосами избирателей, подкупленными иностранными державами. Это он стал могильщиком Польши. Он заключил перемирие с Петром Великим, позволяющее российским войскам вторгаться в границы Польши без ее разрешения. Именно в этом фатальном 1704 году Польша утратила независимость.

Российские войска следили не только за тем, чтобы выборы двух последующих королей прошли согласно желаниям Петербурга. Даже сеймики в воеводствах заседали в присутствии российских отрядов. За иностранной армией пришла иностранная власть. Российский посол в Варшаве стал правителем Польши, подкупал депутатов и сенаторов, а несогласных похищал и вывозил вглубь Российской империи. Один купленный депутат мог, используя *liberum veto*, сорвать сейм, не допустить начала заседаний и выбора маршала.

Подкупамии Россия привела Польшу к беззащитности. Императрица Екатерина имела в подчинении более чем 300-тысячное войско, объединенные армии трех разделов насчитывали свыше 600 тысяч. У Польши было лишь 18 тысяч солдат, поскольку сеймы не одобряли повышения подушного налога. Попытка увеличить количество солдат до 276 тысяч была сорвана одним голосом Теодора Любомирского, за который Россия заплатила ему 15 тысяч дукатов. Огромное, но беззащитное государство стало легкой добычей. Захватчикам достаточно было протянуть жадные руки, чтобы захватить трофей и разделить его, оставив себе, сколько удастся. Золотая свобода привела к анархии, застою и государственному бессилию.

Пробуждение наступило слишком поздно

И вот в момент, когда Речь Посполитая достигла дна этого упадка, наступил перелом, который удивляет своей неожиданностью и размахом, и, прежде всего, не-которой переменной национального характера. Пионеры возрождения, ксендз Станислав Конарский и Станислав Август Понятовский, освобождают благородную элиту

от темноты и отсталости. Возникают коллегии пиаристов, Комиссия национального образования, Рыцарская школа, просыпается реформаторское движение, проходит реформа налогообложения, строятся мануфактуры — первые ростки польской промышленности. Активизируется политическая мысль, ставящая своей целью преобразование Польши в современное государство. Появляются личности и светлые умы европейского масштаба. Помимо Конарского и Станислава Августа, это Гуго Коллонтай, Игнатий Потоцкий, Станислав Малаховский, Станислав Сташиц. Происходит взрыв беззаветного патриотизма. Клятва верности Общества друзей государственной конституции начинается словами: «Родину мою всеми способами спасти...».

Майская конституция стала высшей точкой этого мощного оздоровительного движения, которое затронуло даже варшавское общество. К сожалению, реформы не сопровождали польские пушки и штыки. Трагическим следствием принятия конституции стали российское вторжение, поддерживаемый тарговичанами второй раздел, затем отчаянное восстание Костюшко, закончившееся поражением и третьим разделом. Меньше чем за год до смерти Екатерины Второй Польша исчезла с карты Европы. Утонула тут же, у берега, незадолго до побед Наполеона над Австрией, Пруссией и Россией.

Потому ли мы празднуем 3 Мая как годовщину еще одного несчастья? Нет. Это годовщина самой большой и самой трудной победы — победы народа над самим собой. Возрождение наступило слишком поздно, чтобы сохранить государство, но вовремя, чтобы спасти народ.

Сташиц сказал, что упасть может великий народ, но пропасть — только никчемный. Поляки, в саксонские времена распродававшие Польшу за дукаты и рубли,

были никчемным народом. Никудышными были магнаты, воспринимавшие Речь Посполитую, как кусок сукна, который каждый тянул в свою сторону, чтобы оторвать себе как можно больше. Полвека спустя поляки, принявшие майскую конституцию, стали великим народом.

Проявилось это величие и в годы неволи, и в настоящее время. Во время Варшавского восстания мы пели слова гимна подпольной Польши: «Не сломит свободных никакая беда». Польшу не сломили ни разделы и поражения народных восстаний, ни виселицы Муравьева, ни Апухтин и «*Kulturkampf*» Бисмарка. Нас не сломили сентябрьское поражение, Гитлер и Сталин, Катынь и Освенцим, уничтожение столицы и ялтинское предательство.

Перелом второй половины XVIII века разбудил в поляках такой беззаветный патриотизм, как нигде в мире. Нигде не было такого отчаянного терпения в борьбе за получение свободы, такой безграничной готовности к жертвам.

Собственными силами Польша сбросила с себя советского гегемона и навязанное им правительство. Примеру польской отваги и солидарности, повлекшему за собой остальных, мир обязан победой в холодной войне.

Кризис системы ценностей

И именно во время этого беспримерного триумфа наступает внезапный поворот в обратном направлении. Через три года после получения суверенитета и демократии этот странный народ в свободных выборах большинством голосов возвращает коммунистов к власти, делая нонсенсом собственную историю последних 50 лет. Прощает грехи грешнику, который о них не сожалеет и не собирается в них исповедоваться.

Шесть лет Третьей Республики Польши — это не годы упадка. В это непродолжительное время произошел стихийный выплеск общественной энергии, освобожденной от пут и догм. Западные СМИ правильно отмечают, что никакое другое посткоммунистическое государство не показало такого подъема инициативы и таких жизненных сил, как Польша. Нация, которая брезговала торговлей и порицала людей, в заботах о собственном благосостоянии служивших обогащению страны, вдруг сменилась обществом успешных людей, находчивых и оборотливых предпринимателей. По экономическим достижениям Польша оказалась в авангарде. Прогнозы на будущее отличные: следующие правительства, включая теперешнее, продолжат политику реформ и интеграции Польши в западные структуры.

И все же, несмотря на эти достижения, Польша переживает глубокий моральный, политический и интеллектуальный кризис. Оказалось, что можно за короткое время сменить политический и экономический строй, но не получится в один день изменить оформлявшееся годами человеческое сознание. В нем осталась закодированная фальшивая система ценностей, которая вверх ногами переворачивала значения таких понятий, как «демократия», «государственные интересы», «суверенитет», «альянс», «предательство» и «заслуга». Раскачке и размыванию подверглись основные критерии, определяющие нормы гражданского поведения.

Люди, особенно молодые, устали от истории, празднования годовщин несчастий, мученичества и героизма. Побег от прошлого превращается в исчезновение национальной памяти. После эпохи необычайного напряжения патриотических чувств пришла реакция, порою антипатриотическая. Мне казалось, будто кто-то

ударил меня в сердце, когда я услышал, как у какой-то женщины вырвалось: «Хватит с меня уже этой Польши».

Рецидив старых слабостей

Прежде всего, беспокоит повторение ряда патологических особенностей нашего национального характера, которые находились у истоков краха Речи Посполитой. В первую очередь, излишек польского индивидуализма, который ведет к неустанным расколам, слабой способности к общему и согласованному действию, а также какой-либо дисциплины внутри групп, объединяющих людей со схожими точками зрения. Возвращается превосходство частного над политическим благом, амбиций единиц и групповых интересов над общим.

Эти беспокойные симптомы вызывают вопрос, может ли повториться история? Современный кризис субъектности может заново угрожать государству, если не сегодня, то в будущем? С каждым днем все яснее вырисовывается возможность возрождения российского империализма и попытка сделать зависимыми от Москвы государства Центральной Европы. Никто нас от нее не защитит, если мы не будем готовы обороняться сами.

На страже суверенитета государства стоит армия. Воспитание молодого солдата в духе решительного желания защищать свою страну даже ценой собственной жизни не менее важно, чем обучение навыкам стрельбы из оружия. Основным элементом воспитания защитника государства всегда были и есть примеры поведения и однозначные критерии воинской доблести. Могут ли таким примером быть Юзеф Пилсудский или Зыгмунт Берлинг, или Михал Жимерский? Должен ли быть при-

мером военачальник-победитель, отразивший лавину с востока, или офицер, нарушивший воинскую клятву верности Польше, получивший звание генерала от Сталина и ставший в его руках послушным орудием порабощения собственной страны? Должен ли солдат быть воспитан в духе борьбы за независимость или в традициях Народного Войска Польского, которое защищало порабощенную советским гегемоном страну от собственного общества?

Защитник Польши обязан знать и глубоко верить в то, за что он должен сражаться и за что готов принести в жертву собственную жизнь.

Угрозы на внутреннем фронте

Общество в подавляющем большинстве поддерживает присоединение Польши к НАТО и верит, что принадлежность к Североатлантическому альянсу защитит от нападения агрессора. И все же никакие военные союзы не уберегут от угрозы, исходящей изнутри. Польша должна помнить, что в течение 200 лет пережила три «Тарговицкие конфедерации»: в 1792, 1920 и 1944 годах. Защита внутреннего фронта так же необходима для сохранения независимости, как защита от внешней атаки. Мы должны уберечься от возможности того, что внутри самого общества вновь найдутся люди, которые перед лицом непосредственной опасности или для собственной наживы поддержат врага.

В «Washington Post» недавно была напечатана статья, предупреждающая, что КГБ и его мощная сеть пережили развал Советского Союза и распространяются на все бывшие республики и страны Центральной и Вос-

точной Европы. Главной целью является реинтеграция, объединение заново бывшего Советского Союза, централизованно управляемого из Москвы, а также получение контроля над бывшими государствами-сателлитами.

Эта цель может быть достигнута не военными средствами или экономическим шантажом, а при помощи российских меньшинств и так называемых советских или других национальностей. Белоруссия — первый успех на этом пути. Публицист из «Washington Post» утверждает, что эта политика будет значительно активизирована после выборов независимо от их результата.

В Польше нет российского меньшинства, но в укрывании где-то дремлет потенциальная «пятая колонна». Я не отношу это утверждение ни к одной из существующих политических институций, включая бывшую коммунистическую партию. Я не собираюсь выдвигать какие-либо групповые обвинения или подозрения. Однако мы должны считаться с тем, что в глубине этой партии и за ней есть люди, у которых в голове закодированы давние связи и зависимость от Большого Брата.

Во время телевизионных президентских дебатов я спросил у тогдашнего главы «Союза демократических левых сил» Александра Квасьневского, какие выводы сделала его партия в отношении пяти своих депутатов, которые отказались голосовать за краткую резолюцию по празднованию годовщины польской победы над большевиками в 1920 году? Победы, которая доказала, что Польша не стала еще одной советской республикой. Я спросил, как вели бы себя эти депутаты, если бы, не дай бог, 1920 год повторился когда-нибудь в будущем? Кандидат в президенты не знал сути дела, был удивлен вопросами и не смог мне ничего ответить. Я жду его ответов до сих пор и беспокоюсь от того, что

через 75 лет в депутатских креслах сидят люди, которые все еще отождествляют себя с тогдашним врагом.

Глубокую печаль вызывает тот факт, что на большинство телезрителей этот инцидент с депутатами не произвел никакого впечатления. Если бы в Соединенных Штатах или в любой западной демократической стране стало известно, что глава правительства годами пирувал с главой российской шпионской сети, взрыв возмущения общественного мнения стер бы его раз и навсегда с поверхности публичной жизни, несмотря на то, какие намерения были у этих встреч. Опросы общественного мнения показали, что подавляющее большинство общества оставило это дело без внимания. Самое большое — это слегка пострадала популярность бывшего премьера.

А что сказать о прокуроре, который раскрыл главного свидетеля обвинения, россиянина, пребывающего на территории Российской Федерации, приговорив его тем самым к смерти? Кто сегодня рискнет своей жизнью, кого соблазнит даже самая высокая награда, чтобы пойти на сотрудничество с польскими службами защиты государства? Одним махом Польша была ослеплена, лишена самого главного орудия защиты в мирное время, каким является разведка и контрразведка. ФСБ может сегодня спокойно реализовать в Польше свои планы и вербовать для них польских исполнителей. Ничто им уже не угрожает.

Программа оздоровления

Я недавно разговаривал с главой некоей партии, вышедшей из лагеря «Солидарности». Я советовал ему развернуть программу оздоровления общества, чтобы показать картину будущего, которое повлечет за со-

бой молодых, чтобы они шли на выборы под девизом обеспечения безопасности Польши — не только перед внешней угрозой, но и на нашем внутреннем фронте. Он ответил, что эти призывы не получают голосов, поскольку в большинстве своем общество опасности не видит и угрозы не чувствует.

Может быть, он был прав. Тогда тем более существует большая необходимость этим настроениям поддаваться, опасности показывать, общество будить — чтобы пробуждение опять не пришло слишком поздно.

Бить тревогу не рано. В эпоху реактивных двигателей и компьютеров колесо истории крутится намного быстрее, чем во времена ксендза Петра Скарги, который за 200 лет до третьего раздела пророчески предостерегал, что сами поляки могут навлечь крушение своего государства.

Угроза Польше продолжается

«Gazeta Wyborcza» 16 июля 1996, № 164

Публикуя статью «Может ли история повториться?», я не допускал, что ворошу палкой в муравейнике.

Считаю для себя честью, что рядом с моим текстом был размещен ответ Ежи Гедройца. Я чувствую огромное признание его заслуг, но политическая концепция редактора «Культуры» ставит меня в недоумение, поскольку я не могу найти в ней какую-либо реальную альтернативу на место той политики, которую он подвергает уничижительной критике.

Гедройц представляет Польшу неудачницей, у которой ничего никогда не получалось — начиная с Конституции 3 мая и заканчивая «Солидарностью».

Это картина, написанная одной, к тому же черной, краской. Конституция 3 мая провалилась не потому, что не нашла поддержки у народа, а восстание Костюшко закончилось поражением не потому, что — как считает Гедройц — не смогло поднять на борьбу мужиков. Даже самая лучшая конституция и в десять раз более радикальный Полонекский универсал не смогли бы за короткое время изменить фатального для Польши соотношения сил.

Гедройц отвергает мое утверждение, что Польша «сама сбросила советского гегемона и вассальное правительство». По его мнению, хвалиться нечем, поскольку за первое и второе нужно благодарить «прежде всего, кризис в СССР и горбачевскую гласность». С этим трудно согласиться. Комитет защиты рабочих, а затем «Солидарность» возникли во времена Брежнева, а не Горбачева. Никому тогда и не снилось, что через десять лет советская империя начнет разваливаться. Если бы поляки повели себя пассивно в 1980-х, даже лучшая для нас конъюнктура в Москве была бы потеряна.

Роль Польши состояла в преодолении на собственном примере страха перед Москвой в Восточном Берлине, в Праге, в Будапеште и в других местах. Польша показала остальным, что король в Кремле голый.

Поскольку Гедройц скептически пишет о стремлениях Польши в НАТО, следует у него спросить, какую он видит альтернативу, ведь оборонительный союз Польши, Украины, Белоруссии и Литвы ни одному из этих государств безопасность не обеспечит.

Вера в собственные силы необходима, но ее недостаточно, если эти силы слишком слабы, чтобы резуль-

тативно отпугнуть либо защититься перед потенциальным, значительно более могущественным агрессором.

В нашем геополитическом положении самостоятельность не может перерасти в самоизоляцию.

Какой выход из создавшейся ситуации предлагает редактор «Культуры»? Он отвечает: «Должно умереть существующее поколение и должны прийти молодые, уже нормальные люди». Наверное, он прав, но не в контексте своего черного видения прошлого и настоящего. Если поверить, что череде поколений никогда ничего не удавалось, то мала была бы надежда, что именно следующее окажется лучше своих предшественников.

Отвращение к прошлому

Полемика с Гедройцем — только отступление, потому что его замечания расходятся с темой моих рассуждений. Точек зрения Ежи Туровича и Марчина Круля я не комментирую, потому что они приближены к моим. Я стою перед нелегкой задачей дать ответ всем четверым полемистам. Все — на одного.

Всех моих оппонентов объединяет совместное отвращение при рассмотрении прошлого. Модзелевский призывает порвать с привычкой использовать историю в современных политических спорах. Рейковский высчитывает «недостатки», связанные с концентрацией на прошлом. Квасьневский хотел бы смотреть в будущее, а не в прошлое.

С последним утверждением я частично согласен. Нельзя без конца жить воспоминаниями, празднованиями годовщин и тоской о совершенном в прошлом. По природе вещей склонность к таким ностальгическим воспоминаниям имеют пожилые люди.

Можно и следует смотреть в будущее, не забывая о прошлом. Во-первых, историческая память — хорошая и плохая — необходима для поддержания непрерывности и общности поколений. Народ, который теряет память, перестает быть нацией. Во-вторых, прошлое формирует позицию людей, отражаясь тем самым на будущем. Жизненный опыт человека мы повсеместно считаем ценным свойством, поскольку это помогает избегать ошибок или их повторения. Это же относится и к народу. Это истина стара как мир. *Historia magistrae vita est* — говорили римляне. Опыт поражения Варшавского восстания оказал огромное влияние на поведение общества в годы ПНР. Это уберегло страну от судьбы Венгрии и Чехословакии, а может, и от чего-то значительно худшего. Антисоциалистическое большинство, церковь, польское «Радио «Свободная Европа», эмиграция, держа в памяти свежую гекатомбу 1944 года, не хотели повторения еще одного кровопускания, завершившегося поражением.

Значит, для будущего не все равно, какие уроки мы вынесем из опыта ПНР, поскольку они будут влиять на поведение поляков в течение последующего полувека. Российский друг Польши Евгений Александров недавно напомнил читателям *Więź*² (№ 448) слова Юзефа Шуйского: «Ложная история — мать ложной политики».

Охрана биографий и исторического права

Примером лживой интерпретации исторического опыта являются выводы Анджея Щипёрского. Он пред-

² «*Więź*» — католический общественно-культурный журнал, издается в Варшаве с 1958. Сайт <http://www.wiez.pl/czasopismo/>.

ставляет полвека сопротивления вассальным правительствам Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) как столкновение двух ориентаций, служащих своей стране, а между собой борющихся лишь за выбор верного пути. В спорах о политике в отношении России ему видятся предшествующие события, как в случае с Барской конфедерацией и королем, подхорунжими и генералами в Ноябрьском восстании 1830, Велёпольским и «красными» перед Январским восстанием 1863, Пилсудского и Дмовского, Андерса и Миколайчика. Это аналогии в корне ошибочны. Формация, представленная Берутом, Василевской, Берлингом и другими, не имела никакой «ориентации». Она составляла не только послушный, но и беззаветный инструмент реализации советских планов покорения Польши изнутри. Некоторые, как Василевская, требовали от Сталина, чтобы он не создавал отдельный государственный организм, а включил Польшу в СССР как советскую республику. В 1939 году на раздел Польши, «внебрачного ребенка версальского договора», среагировали — вместе с Гомулкой — просьбой дать им советское гражданство. Их предшественники не были патриотами, которые, как Велёпольский и Дмовский, усматривали в политике соглашений с российским захватчиком шанс для Польши.

Предшественниками сколоченного в Москве по директиве Сталина Комитета освобождения были, как я уже упоминал, Тарговицкая конфедерация в 1792 году и Ревком Феликса Дзержинского и Юлиана Мархлевского в 1920 году.

Это было не так давно, когда группа руководителей ПОРП — Стефан Ольшовский, Тадеуш Грабский, Станислав Кочёлек, Мирослав Милецкий — замышляли с Хоннекером и Хусаком, как вынудить Москву начать в Поль-

ше военную интервенцию. Они угрожали Ярузельскому тем, что соберут свое правительство, которое позовет «старшего брата» на помощь, если генерал будет медлить с силовым уничтожением «Солидарности». Не к ним ли относится «другое видение совместного национального интереса», о котором утверждал Щипёрский?

Заключение Щипёрского, размывающее разницу между предательством и политической ориентацией, имеет свою цель. Оно ведет к тезису о том, что нельзя представлять историю ПНР «как мусорное ведро, свалку металлолома, позор и т. п.». И дальше: «У людей одна жизнь, они прожили ее в ПНР и не желают ежедневно заново выслушивать, что ничего не достигли...». Таким образом, Щипёрский навязывает незавидную, преступную даже биографию единственной правящей партии всем, кому выпало жить в ПНР.

Право на переубеждение

Люди, честно и смело изменившие свои взгляды, заслуживают уважения. Им не нужно фальсифицировать или скрывать свое прошлое, потому что они от него открыто отделились. Если они не совершили никакого преступления, припоминание им прежней биографии является нарушением фундаментального принципа свободы убеждений.

Будучи директором «Радио «Свободная Европа»», я тайно встречался в 1970-е со Щипёрским и многое использовал из его внимательных и точных оценок ситуации в стране, озвученных с позиции решительного противника системы и тогдашних методов правления. Мне никак не мешало то, что десять лет назад тот же Щипёрский в роли публициста «Польского радио» ата-

ковал «Свободную Европу», как рупор американского империализма, протягивающего хищные руки, чтобы поднять нашу страну. Не для себя, естественно, потому что от США до Польши далеко, а для того чтобы отдать ее на подносе немецким реваншистам.

Всякий, начиная от апостола Павла и заканчивая Шипёрским, имеет право на смену взглядов. Обнаруживающаяся сегодня разница между Павлом и Шипёрским состоит в том, что апостол не убеждал своих сторонников: не все еврейские преследователи христиан (к которым он сам в юности принадлежал) были настолько плохи, у них были и свои заслуги.

Предположим на минуту, что после роспуска ПОРП новая партия публикует манифест, в котором безоговорочно осуждает однопартийную систему, цензуру, незаконие и преступления политической полиции. Перед принятием вывески социал-демократии она осуждает, среди прочего, истязание в тюрьме Казимежа Пужака, лидера подлинной польской социал-демократии, какой исторически была Польская социалистическая партия (ППС), и приносит извинения ее главным деятелям за годы, проведенные в заключении либо в изгнании. Такое однозначное и полное расставание со своим прошлым, то есть обращение к правде, полностью бы изменило польский политический класс. Я подозреваю, что Александр Квасьневский и другие ему подобные были склонны к такому радикальному повороту. Этого не допустили «непоколебимые», доминирующие у них за спиной.

Для «непоколебимых» их партия сменила вывеску, государство изменило название, орел снова обрел корону, но Третья Республика Польша все еще является продолжением Польской Народной Республики. Обретение

суверенности государства, введение демократического строя и свободной рыночной экономики для них не было никаким переломом. Социал-демократия РП — это просто продолжение ПОРП, лишенное ненужного идеологического балласта. Осталась только вывеска «левых» и стремление к получению, расширению и укреплению власти, расстановки своих кадров и т. д.

Дело Олексы

Это чувство преемственности позволяет лучше понять поведение Юзефа Олексы. У меня нет права выносить приговор главе правительства за шпионаж в пользу России. Хватит того, в чем он сам признался: по-дружески встречался с высоким должностным лицом советской разведывательной сети с 1983 года. Во времена ПНР в этом не было ничего плохого. В отношении «союзника» не было тайн, существовало правило, что интересы польского государства равнозначны интересам гегемона.

Проблема состояла в том, что Олексы не заметил принципиального изменения, каким стало освобождение Польши от вассальной зависимости. Он продолжал встречи с Алгановым, а позднее с его преемником, когда суверенное государство получило уже возможность защиты своих интересов. Даже в 1993 году, когда в результате свободных выборов Олексы был избран маршалом Сейма (а не Политбюро), для него это не стало переломом.

Метод решения вопросов Олексы показывает, что аналогично рассуждают и его товарищи. Речь не идет, как утверждает Модзелевский, о том, что в роли арбитра в политических вопросах выступили спецслужбы. Суть

в том, что в этом деле вообще не было никакого беспристрастного и независимого судьи.

Военный прокурор арестовал Олексы так, что сразу появились сомнения в достоверности дела. Прежде чем все случилось, премьер заранее был освобожден от всех подозрений президентом, министром внутренних дел и собственной партией. Человек, который, как минимум, допустил ошибку, дисквалифицирующую его как политического лидера, был практически единогласно избран шефом СДРП. Прокурор огласил обстоятельства дела, указывающие одновременно на свидетеля и источник обвинительной информации. Еще перед этим новое руководство МВД прекратило попытки спасти находящегося под угрозой ликвидации информатора. Должностные лица, которые эту информацию получали, были сняты со своих постов без какой-либо попытки беспристрастного выяснения, руководствовались ли они политическими мотивами, или лояльно исполняли свои обязанности в отношении государства.

Как сказал уволенный глава Службы охраны государства Громослав Чемпиньский, ФСБ получила бесценный подарок — разгром польской разведки и контрразведки и фрустрацию их на долгие годы. Был возвращен давний принцип: ставить интерес правящей партии выше интереса государства. Он метит в безопасность Республики Польша.

Кто угрожает Польше

Мои оппоненты — за исключением Модзелевского — едины в приуменьшении опасностей, следующих из возрождающихся стремлений России в восстановлении утраченного в Центральной и Восточной Европе

влияния. Януш Рейковский утверждает, например, что большая опасность грозит со стороны международных концернов с большим капиталом и от миграции с юга на север. Преувеличение опасности на востоке, утверждает Рейковский, может оказаться самоисполняющимся пророчеством, поскольку возбуждает недоверие восточного соседа. Президент Квасъневский призывает нас не запугивать друг друга. Щипёрский идет дальше: угрозой, по его мнению, являются не имперские замашки Москвы, а Соединенные Штаты. Российская великодержавность, пишет он, это «миф, реанимированный американскими политиками».

Проводимую командой Клинтона политику задабривания Кремля я критиковал в письмах Стробиу Тэлботту, в редактированных мной записках к президенту США и в статье «*Déjà vu*» в «Washington Post». Я напомнил, что политика задабривания Гитлера Францией и Англией вызвала в нем желание начать вторую мировую войну и что повторение такой политики в отношении России подпитывает ее склонность к экспансии. Это не значит, что перед второй мировой войной угрозой для Польши была не гитлеровская Германия, а Англия и Франция, а сегодня ею является не Америка, а Россия. Призыв Щипёрского: «Давайте бояться Вашингтона, а не России», переворачивает реальность с ног на голову таким откровенным образом, что его следует оставить на суд здравого смысла читателей.

Мы все согласимся, что **сегодня** нам не угрожает агрессия со стороны восточного соседа. Никто в то же время не сможет предвидеть того, что станет в России **завтра**. Политика безопасности должна опираться на два принципа. Во-первых, мы не знаем дня и часа, а во-вторых, мы должны быть готовы к худшему, что

вовсе не означает, что этот худший сценарий должен быть разыгран. В январе 1933 года, после прихода Гитлера к власти, Германия была в глубоком экономическом упадке, безработица била все рекорды, армия Вермахта была ограничена ста тысячами солдат. Никому в голову не приходило, что до полной немецкой оккупации европейского континента оставалось семь лет.

Россия сегодня — единственная держава, которая не согласна с современными границами. Она грезит о возвращении господства над «ближайшей заграницей». Евгений Примаков заявляет, что Россия «не будет терпеть расширения военных структур НАТО в области ее границ». Бывшие государства-спутники должны считаться российской сферой безопасности с табличкой «Посторонним вход воспрещен!».

Пока что это только риторика. Никто, однако, не может предвидеть, что слова не перейдут в дело, когда место Ельцина займет какой-нибудь скандалист. Сам Ельцин, впрочем, непредсказуем.

Российские военные силы ослаблены и деморализованы. Они утратили наступательные способности в отношении стран НАТО, но соседи не должны ими пренебрегать. Несмотря на экономический кризис, финансирование российской армии только в этом году составило 8,9 миллиардов долларов. Траты на исследования по модернизации и производству наступательного оружия, в том числе боеголовок, подводных лодок новых типов и боевых самолетов, были подняты с 4,8 миллиарда долларов в 1995 году до 11,7 миллиардов в 1996 году. У России 20 тысяч ядерных боеголовок и огромные запасы химического и биологического оружия. Их использование в атаке было бы самоубийством, но русские не скрывают, что их задачей является отпугнуть Запад и во-

енную интервенцию на случай, если Москва, к примеру, решится на повторный захват прибалтийских стран.

Пока что ФСБ не предпринимает попыток в большом масштабе активировать российские национальные меньшинства, дестабилизировать соседей или воскресить давние «товарищеские» и «союзные» связи. Исторический опыт не позволяет, однако, игнорировать потенциальную опасность на внешнем фронте.

Это могут себе позволить публицисты. Беспокоит, когда глава государства, то есть человек, ответственный за безопасность Республики Польша, призывает не пугать общество, а предупреждение о внешней опасности называет манией преследования.

Александр Квасьневский — недосягаемый мастер говорить людям то, что они хотят услышать. Люди хотят слышать успокаивающие слова и жить в блаженном спокойствии, а не слышать голоса, предостерегающие их о том, что нужно быть готовым к самому худшему, если они хотят этого избежать. Статья президента «Страх или надежда» с уверенностью прибавит ему несколько очков в опросах общественного мнения. Задача главы государства состоит все-таки не в обретении популярности, а в руководстве и способности вести за собой общество. То есть демонстрации ему не только успехов, но также и опасностей и слабых мест.

Воинствующий антикоммунист или демократ

Если бы кто-то не знал моей статьи, то мог бы из текста Кароля Модзелевского сделать вывод, что это старый антикоммунист, выслеживая пятую колонну, взывает к охоте на ведьм, к возвращению полицейской

диктатуры и маккартизму. Приписывание противнику тезисов, которых он не публиковал, является спорной манипуляцией. В заключение моих выводов я призывал к развитию программы оздоровления общества, а не к усилению полицейской слежки.

Тридцать лет я делал все, чтобы цензура и замалчивание не погасили бунта двух молодых марксистов, Куроня и Модзелевского, отважно противопоставляющих себя официальным методам «построения социализма». Антикоммунистическим слушателям я объяснял, что если они не будут бороться за свободу убеждений для идеологических противников, то они никогда не получат ее для себя. Я мог бы ожидать от Модзелевского такого же проявления уважения взглядов оппонента, считая, что мои высказывания продиктованы заботой о будущем польской демократии, а не влечением воинственного коммуниста к правительству тайных агентов.

Оппозиция или бойкот

Модзелевский предупреждает, чтобы оппозиция против Союза демократических левых сил не стала бойкотом государства. Он не отличает оппозиционных действий на внутреннем поле от выступлений на международной арене.

Совсем недавно Лех Валенса и Александр Квасьневский говорили в Вашингтоне в один голос и использовали одни и те же аргументы в пользу вступления Польши в НАТО. Так должно быть. На публичном собрании в Библиотеке Конгресса я выступил против позиции влиятельного директора Freedom House Адриана Каратницкого, который высказал мнение, что из-за возвращения в Польшу к власти коммунистов и дела Олексы нужно

остановить ее принятие в НАТО. На вопрос из правящих кругов, уместно ли приглашать президента Квасьневского, я ответил: «Используйте в отношении неокommунистов принцип объединения давних врагов, который после войны принес Америке политический успех в отношении Германии и Японии. Если Квасьневский и другие поймут, что двери на Запад для них закрыты, подвергнется сомнению их прозападная ориентация». Нужно радоваться, что президент РП снискал в Вашингтоне успех, пусть не полный, но это успех Польши.

Когда оппозиция отвергает попытки втянуть ее в декоративную структуру, каким должен стать лишенный всех прерогатив Совет безопасности при президенте, это не бойкот государства, а предвыборный трюк. Вступление оппозиции в какой-либо союз с правящим СДЛС за год до выборов было бы политическим самоубийством.

После отказа политиков президент старается теперь завербовать в этот Совет ушедших в отставку дипломатов. Вместо этого он должен остановить избавление от молодых, отличных кадров на всех уровнях заграничной службы, замещение их номенклатурой, то есть назначениями, основанными не на критериях компетентности, а на политической принадлежности либо личных связях.

Щипёрский полагает, что предупреждение о внешней опасности добавляет аргументов «буро-красной масти». Все наоборот. На президентских выборах почти половина голосовала против возвращения к власти посткоммунистических элит. Поскольку эти избиратели не находят альтернативы на политической сцене, то всей большой массой переходят под влияние крайне правых.

Такой альтернативой могло бы стать реальное и однозначное объединение оппозиции, говорящей одним голосом и предлагающей свою точку зрения с непоколебимой уверенностью и верой в правильность своей программы. Отсутствует сегодня такой центр, который бы выступал решительно и принципиально, а вместе с тем мудро и открыто, свободно от фанатизма и ненависти; который сохранил бы также способность замечать различия в лагере противника. Маргинализация либо исключение сил умеренного центра не ведет к двухпартийной системе, а, как пишет Вальдемар Кучиньский («Gazeta Wyborcza», № 138), к еще большему распаду общества.

Я еще раз повторяю! Польше необходимо оздоровительное движение, которое вернуло бы правду в политическую жизнь и вывело страну из существующего хаоса мыслей и понятий, обеспечивая тем самым безопасность демократии на внутреннем фронте³.

³ Статья вызвала острую полемику на страницах «Gazeta Wyborcza»: Я. Новаку-Езёраньскому ответили Ежи Гедройц (№ 124), Анджей Щипёрский (№ 128), Марчин Круль (№ 130), Ежи Турович (№ 131), Кароль Модзелевский (№ 134), Януш Рейковский (№ 137) и Александр Квасьневский (№ 151).



II.
Россия

Два столпа безопасности Европы

«Rzeczpospolita», 16 марта 1995

Редакция: Почему Польша должна чувствовать себя в опасности?

Ян Новак-Езёраньский: Поскольку Ельцин, Козырев и другие в своих публичных заявлениях говорят о намерениях возвращения Советского Союза под флагом России и возвращении влияния на бывшие государства-сателлиты. Высказываются угрозы, включая военные, на случай если бы НАТО решило принять Польшу. Это рождает беспокойство, что Россия желала бы навязать Польшу и другим странам этого региона послевоенный статус Финляндии, ограничивающий их суверенность.

Россия переживает глубокий внутренний кризис. Она сегодня не в состоянии атаковать Польшу. В этой ситуации необходимо ли расширение на Польшу гарантий безопасности Североатлантического альянса?

Ни одной из стран, находящихся в НАТО, сегодня не грозит агрессия. Это не значит, что альянс должен перестать существовать или что его государства-члены могут распустить свои военные силы. Никто не в состоянии предвидеть, что произойдет в России завтра или послезавтра. У этого государства все еще три тысячи атомных боеголовок, и оно может использовать ядерный шантаж. Немецкий Рейх насчитывал только сто тысяч вооруженных солдат, когда Гитлер пришел к власти

в 1933 году. Десять лет спустя весь континент от Пиренеев до Волги оказался в его владении. Этого бы никогда не произошло, если бы его планы сразу встретили сопротивление.

Почему мы должны ввести в Европе новую границу разделения между государствами НАТО и Россией?

Каждый альянс создает линию разграничения между союзниками и другими государствами. Отказ НАТО от Польши и других возникших демократий, которые хотели бы вступить в Европейский союз и Североатлантический альянс, укрепил бы современную линию раздела, созданную в Ялте во времена холодной войны.

Не пошатнет ли расширение НАТО, оскорбляя чувство национальной гордости россиян, позиции Ельцина и не поддержит ли Жириновского и другие крайне националистические группировки?

События, которые происходят с 1993 года, показывают, что все наоборот. Положение России с того времени становится все более конфронтационным. Политика американской администрации — игнорирование, оправдание или объяснение увеличивающихся проявлений российского экспансионизма — отчетливым образом влияет на усиление имперских амбиций. Неправда, Ельцин отнюдь не должен поддаться националистическим настроениям, чтобы остаться у власти. Согласно результатам последнего опроса общественного мнения, население России в подавляющем большинстве против войны в Чечне и использования силы в отношениях с сепаратистами или соседями. Только семь процентов

поддерживают идеи великодержавности, а более половины опрошенных заботятся, прежде всего, об улучшении плачевных бытовых условий (см. российскую газету «Сегодня», 23.02.1995).

Почему мы должны вызывать у России чувство изоляции и угрозы безопасности экспансией НАТО?

Ответом на это может быть предложение связать расширение НАТО с одновременным договором о безопасности с Россией. Такое предложение должно стать лакмусовой бумажкой для проверки, каковы в реальности российские устремления. НАТО — это оборонительный блок. Трудно себе представить, чтобы русские могли серьезно воспринимать возможность вторжения альянса на их территорию. Необходимо определить, Россия в действительности противостоит расширению собственно НАТО или той преграде, которую создаст Североатлантический альянс ее стремлениям вернуть зону влияния, включающую бывшие государства-сателлиты. Если последнее соответствует действительности, то расширение альянса становится тем более необходимым.

Не следовало бы подождать со вступлением Польши и других стран в НАТО до момента, когда опасность станет реальной?

Как правильно заметил Генри Киссинджер, страхового полиса не покупают тогда, когда вспыхнет пожар. Если бы в России разыгрался самый плохой сценарий, ее власти могут воскресить доктрину Брежнева и угрожать Польше военной интервенцией, в случае если она захочет вступить в Североатлантический альянс. Время

работает не на пользу НАТО. Пока что российские притязания в отношении Центральной и Восточной Европы имеют риторический характер. <...>

В течение почти 50 лет холодной войны НАТО не вводило войска, чтобы освободить Центральную и Восточную Европу и не предотвратило вторжение в Венгрию (1956) и Чехословакию (1968). Почему мы сейчас должны рассчитывать на использование этой силы для защиты наших стран?

Восстановление контроля России над Польшей сегодня не было бы возможно без военной конфронтации. Германия стала бы фронтовым государством и была бы вынуждена обеспечивать себе безопасность собственными силами или договариваться с Россией. НАТО, которое действительно повело бы себя в отношении российского вторжения, перестало бы существовать, а Европа вернулась бы к системе союзов и поиска равновесия сил, которые поделили континент в первой половине столетия и привели к двум мировым войнам.

Не увеличит ли вступление Польши в НАТО количество американского вооружения и не вызовет увеличение контингента американских войск в Германии, чтобы они могли справиться с новыми обязанностями и рисками?

Если Польша вступит в НАТО, то в Германии должно будет остаться не больше, а меньше американских войск. Символического присутствия двух американских батальонов в Берлине было достаточно, чтобы предотвратить присоединение города к Восточной Германии. С момента

вступления Польши в НАТО границы союза будут передвинуты на 500 миль на восток. Польша сделает доступным для альянса три больших порта на Балтике, густую сеть военных аэродромов, радарные установки и систему раннего оповещения, не говоря уже о 14 армейских дивизиях. Распространение на Польшу гарантий, следующих из пятого параграфа договора НАТО, не обозначает необходимость защиты каждого сантиметра польской территории. В то же время гарантии поднимают цену и риск возможного вторжения. Альянс не требует от Греции, Турции и Португалии, чтобы они подняли планку своего вооружения до уровня Америки или Германии. Требования, связанные с принятием в НАТО, не должны быть использованы в целях блокировки вступления в союз окольными путями и не могут подрывать экономику и, тем самым, безопасность будущих членов альянса. От государств, стоящих в очереди на вступление в альянс, следует ожидать, чтобы они сами указали, как они могут поспособствовать его усилению в границах собственных возможностей, а также при помощи других. Обе опции должны быть разработаны при участии экспертов НАТО. Размеры помощи следовало бы сделать зависимыми от развития международных событий и оценки существующих угроз. Помощь должна охватывать, прежде всего, те государства, которые непосредственным образом заинтересованы в раскрытии зонта НАТО над их соседями.

Продиктованы ли польские старания о гарантиях НАТО исключительно военными мотивами?

Нет. НАТО не только военный, но и политический союз. Демократия никогда не пустила бы так глубоко корни в постгитлеровской Германии, если бы не преимущества

и условия, связанные со вступлением этой страны в Североатлантический альянс и Европейский союз. То же самое можно сказать и о посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы. Условия и преимущества, какие дает интеграция Центральной и Восточной Европы в рамках западных оборонительных и экономических институтов, создает мощный стимул в процессе консолидации демократического устройства и свободной рыночной экономики. Перспектива вступления в НАТО навязывает также необходимость урегулирования этнических и территориальных конфликтов между такими государствами, как Словакия и Венгрия либо Венгрия и Румыния. Демократия в этих государствах могла бы не пережить постоянной изоляции от западных демократий и рынков сбыта.

Объединение с обоими могущественными соседями, Германией и Россией, лежит в жизненном интересе Польши. Безоговорочное признание Германией границы с Польшей перечеркнуло надежды немецких националистов и подвело черту под историческим противостоянием между двумя народами. Мы ждем, что вступление Польши в НАТО станет похожим пунктом отсчета в польско-российских отношениях. С момента, когда Польша окажется в союзе, российские амбиции и стремления к ограничению польской суверенности перестанут быть реальными, и историческая вражда может уступить место сотрудничеству и даже дружбе. Между двумя странами сейчас нет территориальных и этнических споров. Мы хотим постепенного расширения НАТО. Включение государств Вышеградской группы стало бы первым этапом. Мы видим новую систему безопасности, охватывающую всю Европу и опирающуюся на два столпа: одним из них было бы НАТО, включающее Цен-

тральную и Восточную Европу, вторым — договор с Россией, основывающийся на взаимных гарантиях безопасности и военном сотрудничестве. Президент Украины Леонид Кучма недавно утверждал, что Украина не хочет вступать в союз ни с Россией, ни с НАТО. Может быть, в будущем договор безопасности должен быть заключен одновременно с Россией и с Украиной, как со вторым самым большим государством Восточной Европы.

Давайте отличать друзей от врагов

«Rzeczpospolita», 11 мая 1996

Безопасность государству обеспечивают не только гарантии и союзнические договоры. Мы по собственному опыту знаем, что они могут подвести в час испытания. Фундаментом мира на наших границах с Германией и Россией являются дружественные отношения на общественном уровне. Чувство взаимной вражды является в то же время первоисточником опасности. Они сопряжены между собой, приводят друг друга в движение. Вражда с одной стороны пробуждает враждебность с другой. К сожалению, с осени 1993 года, с момента постановления на повестку дня вопроса о расширении НАТО, именно таким образом питается и растет взаимный антагонизм русских и поляков. Это не предвещает ничего хорошего в будущем.

У адептов антипольскости, антинемецкости, антироссийскости наблюдается склонность к обобщению, распространению ответственности за плохие поступки

единиц или групп людей на всю нацию. Нет хороших поляков — все плохие. Нет хороших и плохих русских — все плохие. Такого рода обобщения делают невозможными налаживание мостов между доброжелательными людьми. А именно такое построение моста над пропастью между поляками и русскими является нашей настоящей задачей.

Я хотел бы проиллюстрировать эти слова на примере Катюни. Я полностью разделяю всеобщее негодование, которое встретила в Польше оскорбительная книга Юрия Мухина «Катынский детектив», и еще более никчемный вымысел, что поляки убили в 1920 году большевистских пленников. Одно и другое является проявлением пропагандистской агрессии. В справедливом возмущении не стоит забывать, что раскрытию правды о Катюни мы обязаны россиянам — другим россиянам. В течение полувека наше глубокое убеждение, что советская и ПНРовская пропаганда скармливала нам ложь, базировалось на догадках. Документы преступления и информация об их существовании были добыты из челюстей тайных архивов и переданы полякам русскими друзьями. Журналист Алексей Памятных был первым, кто в ноябре 1989 года объективным образом затронул тему Катюни на полях советской прессы. В архивных поисках роль первопроходца принадлежит профессору Наталье Лебедевой, она первой опубликовала многие документы преступления. Это не было бы возможно без помощи и поддержки директора Российского государственного архива, профессора Рудольфа Пихои. Также нельзя не упомянуть журналистку еженедельника «Россия» Светлану Филонову. Следственную работу добросовестно и объективно проводили военный прокурор Анатолий Яблоков и второй прокурор, полковник

Александр Третьцкий. В штабе последнего работал полковник Степан Родзевич, потомок писательницы Марии Родзевич.

Родзевич был тем, кто передал полякам содержание и перечень нескольких десятков документов, *corpus delicti* — решения и исполнительные приказы массового убийства. Это позволило польской стороне требовать от правительства оригиналы конкретных документов. Монументальное собрание документов Катынского преступления, недавно изданное, является плодом сотрудничества польских и российских архивистов, известных поименно.

Россияне, оказавшие полякам помощь в раскрытии правды об этом преступлении, отличались большой смелостью. Некоторые заплатили за это высокую цену. Ни одна нация охотно не признается в действиях, которые покрывают ее позором. Директор Государственной архивной службы России, профессор Пихоя, был в прошлом году уволен с занимаемой должности⁴. Прокурор Третьцкий был переведен на восток России. Прокурор Родзевич, молодой, сорокалетний, здоровый мужчина, вдруг умер 17 ноября 1993 года за час до встречи с генеральным консулом Республики Польша Михалом Журавским. Говорил, что передаст ему личную информацию, о которой не может сообщить по телефону. Скорая не успела.

Разделению россиян на друзей и врагов поддавалась и польская экспедиция, в задачи которой входил поиск заросших травой и деревьями расстрельных ям с целью заменить их могилами, а место казни сделать мемори-

⁴ Р.Г. Пихоя занимал должность Главного государственного архивиста России с 1993 по 1996 годы.

альным кладбищем. Здесь я опираюсь на статью адвоката Станислава Микке в его специализированном журнале «Palestra».

Долгие месяцы местные власти откладывали приезд польской группы, находя все новые причины. Когда, в конце концов, 5 сентября 1993 года поляки оказались в Смоленске, их встретили пикеты с красными флагами с серпом и молотом и крики «Руки прочь от Катьни!». На месте, в катынском лесу, их ждали демонстрации медсестер и пациентов ближайшего санатория для больных туберкулезом. Власти сказали им, что поляки хотят забрать себе 100 гектаров леса и закрыть санаторий, поэтому они пришли протестовать. Когда из уст генерального секретаря Совета по охране памятников борьбы и мученичества Анджея Пшевозника они услышали, что поляки ни о чем таком не помышляли, что хотят лишь эксгумировать и с честью похоронить своих предков, жертв массовых убийств, на площади, не больше чем два гектара, гнев демонстрантов обратился против присутствующего заместителя губернатора Смоленска Анатолия Новикова. «Зачем вы нас обманываете? — кричали эти люди. — Зачем настраиваете нас против поляков?». В это время из уст одной медсестры в адрес представителя власти прозвучали знаменательные слова: «Вы построили Советский Союз на человеческих костях. Вся Россия — это одно большое кладбище!». Может быть, в тот момент люди почувствовали, что поляки и русские — братья по несчастью.

С этого столкновения отношение персонала санатория к польской группе стало дружественным, почти покровительственным. Не только этих женщин, но и местных российских журналистов. Они достали список 300 поляков, расстрелянных НКВД в катынском лесу еще до войны, в 1938 году. В свою очередь, поляки нашли 39

массовых захоронений русских, находящихся на расстоянии не более 400 метров от польских расстрельных ям.

Хороший прием поляки получили в древней Твери и в близлежащем Медном, месте массовой казни пленников из Осташковского лагеря НКВД. Их с самого начала окружали доброжелательность и понимание, не только со стороны обычных людей, но и от местных властей. Их ожидало оборудование, палатки. Рядом с одной из них был воткнут польский флаг. При эксгумации помогали солдаты. На месте присутствовал глава администрации Медновского поселения Борис Ещенко, сын и внук «врагов народа», расстрелянных НКВД. Он благожелательно исполнял все просьбы поляков. Даже местные милиционеры относились к польской группе дружелюбно и с пониманием. Хорошо сохранился в воспоминаниях поляков заместитель губернатора Твери, Вячеслав Подьячев, а также заместитель министра культуры Российской Федерации Вячеслав Брагин. Анджей Пшевозник утверждает, что без их помощи и благосклонности увековечивание памяти жертв преступления было бы невозможно.

Пример Катыни убедительно учит отличать среди русских друзей и врагов. Поначалу кажется, что все российское общество объединилось против вступления Польши в НАТО, но опросы общественного мнения в России говорят совсем иное. Отвечая на вопросы анкеты, почти одна пятая часть русских (18 процентов) выразила убеждение, что вступление Польши в НАТО не угрожает России. Столько же выразило обратное мнение. Подавляющее большинство, около 80 процентов, по этому вопросу не имели никакого мнения, вообще не интересовались этим вопросом. Однако сам факт, что целых 8 процентов россиян пошло еще дальше — признало, что вступление Польши в Североатлантический альянс послужило бы

миру и стабилизации в Европе — очень значим. Давайте не будем пренебрегать этим меньшинством, пусть и не-большим, потому что это наши союзники.

В начале 1960-х годов немцев, готовых тогда признать границу по Одре и Нысе, было еще меньше. Заслуга польских епископов и других доброжелательных людей, преимущественно из круга издательства «Znak» и католического еженедельника «Tygodnik Powszechny», состояла в навязывании диалога с этим меньшинством в ФРГ. Со временем плодом этого стал перелом в отношениях между Польшей и Германией. Это подтверждает мою мысль о том, что строительство мостов между народами может быть важнее, чем формальные союзы. Оно требует большего терпения и выдержки, устойчивости к трудностям и препятствиям, потому и может иногда казаться, что движение на этой дороге одностороннее.

Дорога к беззаботному будущему идет не через унаследованную ненависть, а через диалог — не только между правительствами, но, прежде всего, между обычными людьми. Диалог, который приведет к взаимопознанию, взаимопониманию и взаимному человеческому дружелюбию.

Угроза пассивности

«Rzeczpospolita», 11 января 2000

Новый год, год смены столетий, открыло событие, которое может своими незамедлительными и перспективными последствиями повлиять на форму и содер-

жание реальности XXI века. Им является неожиданный уход в отставку Бориса Ельцина и передача власти Владимиру Путину.

Западные политики с профессором Збигневом Бжезинским во главе размышляют, был ли это дворцовый переворот, уступил ли Ельцин под давлением или поддался убеждениям, или же принял решение по собственной инициативе. Насущным является вопрос, в каком направлении пойдет Россия под руководством человека, который лишь пять месяцев назад вдруг появился из полной тьмы и в течение такого короткого времени побил все рекорды популярности, возобновляя кровожадную войну с Чечней.

Бжезинский на страницах «Wall Street Journal» задается вопросом, станет ли Путин новым Пиночетом или Милошевичем. Первый был жестоким диктатором, который преступным образом подавлял оппозицию и одновременно с этим вывел Чили из экономического кризиса и проложил путь к демократии. Второй, пытаясь восстановить Югославию, геноцидом навлек на свою страну страшную беду и стал угрозой миру. Милошевич был остановлен НАТО силой. Путина силой остановить не получится без риска развязывания ядерной войны.

Освобождение в российском стиле

Можно было с помощью политического и экономического давления загодя исключить красную линию между полицейской операцией, имеющей целью удержание целостности Российской Федерации, и уничтожением малой нации и убийствами ни в чем не повинного гражданского населения. Государства Западной Европы

проявили большую, в отличие от Америки, готовность к оказанию давления. В то же время администрация Билла Клинтона не согласилась с требованием остановить кредитную помощь России. Деньги продолжают переводить. Все закончилось риторическими протестами и выражением соболезнования. Бжезинский объективно раскритиковал Клинтона за его высказывание, что у него нет симпатии к чеченцам. Еженедельнику «Тайм» президент сказал, что перед наследником Ельцина стоит задача, как освободить (sic!) город Грозный, не убивая тысячи гражданских лиц, а также вопрос, станет ли эта война примером борьбы с террористами и сепаратистами. Ответ на два этих вопроса ежедневно дают картинки на телеэкранах, демонстрирующие, как выглядит освобождение Грозного в российском стиле — страшные трагедии женщин, стариков и детей, которые не имели ничего общего с терроризмом. Клинтон, правда, подчеркивает, что он решительный противник таких методик «обращения с беженцами», но эти замечания сказаны таким деликатным и дипломатичным образом, что нехотя можно получить результат, обратный желаемому. Они могут быть неправильно поняты в Москве как уведомление, что Запад поведет себя пассивно, если после ликвидации сопротивления несчастных чеченцев придет очередь решения следующих силовых конфликтов, в том же самом нечеловеческом стиле, например, на Кавказе, в Севастополе или где-то еще.

Циничный прагматик

Западное мнение любит благочестивые пожелания. Хватает и оптимистических оценок наследника Ельцина: он молодой, образованный, умный, юрист, бегло

разговаривает по-немецки и по-английски, объявляет войну с коррупцией и мафией, ратификацию договора СНВ III, он отстранил от должности дочь Ельцина, создавая правительство сильной руки, что вовсе не должно угрожать демократии. В самом худшем случае Путин может оказаться холодным и циничным прагматиком, то есть политиком, которого практическая необходимость вынудит к экономическим реформам и выводу России из современной смуты.

Другого мнения придерживаются политики из Пентагона, то есть люди, ответственные за безопасность супердержавы. В этих кругах уже известно, что Путин со времен ранней молодости был воспитанником КГБ, потом его высоким чиновником, а в конце концов, начальником этой преступной организации, которая в нетронутом виде, хоть и под другой вывеской, пережила распад Советского Союза. Начиная с ВЧК, ОГПУ, НКВД и заканчивая КГБ, тайные убийства, похищения людей, шантаж граждан, фабрикация уголовных дел, провокации, попрание не только человеческих законов, но также и законов собственного государства, были и остаются незыблемыми методами ее действия. Путин уже продемонстрировал верность этим преступным традициям, возлагая цветы и открывая мемориальную доску для своего предшественника Юрия Андропова, человека, подозреваемого в организации покушения на жизнь Папы Иоанна Павла II. Когда в 1998 году он был назначен начальником Федеральной службы безопасности, наследницы КГБ, он сразу заявил, что «вернет былой престиж Лубянке» (название площади и здания, где расположена штаб-квартира КГБ в Москве, тюрьма, место допросов и казней).

Куратор Штази

Путину не было еще тридцати лет, когда его отправили в Восточную Германию в качестве резидента КГБ в Дрездене, а позднее в Лейпциге, предположительно, в роли куратора известной Штази, спецслужбы ГДР, терроризирующей население и шпионящей за Западной Германией. Можно ли без опасений думать о том, что человек с таким прошлым сегодня исполняет обязанности президента России, обеспеченного конституцией исключительными правами на грани всемогущества?

Разумеется, в течение неполных трех месяцев перед датой президентских выборов Путин сделает все, чтобы избежать неудач и похвастаться успехами. Вероятно, все возможные средства будут сконцентрированы на полном уничтожении Чечни и чеченцев. Это свершится ценой огромных затрат, то есть ценой еще большего ухудшения экономической ситуации и бытовых условий жизни населения. Возможно, его предвыборная кампания будет проходить под знаком неоимперских лозунгов, вызывающих дикий национализм. Военные открыто ставят своей целью восстановление Советского Союза. Путин в своих высказываниях ограничивается только операциями предотвращения распада российского государства. Будущее покажет, проявление ли это сдержанности, или выученная в школе КГБ методика и тактика камуфляжа истинных целей.

Могут ли и в какой мере государства НАТО и Соединенные Штаты своей экономической и военной мощью влиять на развитие ситуации в России? Между горячим, или даже холодным противостоянием и разрешающей безучастностью и непредумышленным поощрением к агрессии существует широкая гамма разных опций.

Когда мир видоизменяется в одну глобальную деревню, даже российский великан не может себе позволить экономическую и политическую изоляцию.

Необходимо влиять на российские элиты

Перспективной целью западных держав, а также Польши должно стать такое воздействие на российские элиты и широкие массы, чтобы произвести изменение имперской ментальности с ее болезненной склонностью к территориальной экспансии, достигаемой ценой всеобщей нищеты. Целью должно стать втягивание России в Европу, несмотря на ее врожденную тягу к трактовке своего государства как осажденной крепости, окруженной со всех сторон воображаемыми врагами. Только Россия, смирившаяся с утратой империи, может сконцентрировать свои средства и получить адекватную помощь в повышении уровня жизни своего населения. Этой цели Запад может достичь, только повысив как можно больше цену силовых завоеваний или диверсий. Задабривание России и пассивное поощрение ее попыток восстановления утраченной империи может завершиться так, как закончилась политика умиротворения Гитлера и Сталина.

Историки сегодня соглашаются с тем, что гекатомбы Второй Мировой войны можно было бы избежать, если бы не безучастность, проявленная западными державами в отношении попрания Гитлером договорных обязательств по разоружению немецкого Рейха, оккупации Рурского бассейна и Австрии, разрешения на раздел Чехословакии. Успех череды этих попыток позволил Гитлеру ошибочно считать, что покорение и раздел Польши не встретит вооруженной реакции западных союзников.

Также можно было избежать холодной войны, если бы не заранее выраженное Сталину в Тегеране и Ялте согласие на порабощение Польши и Центральной и Восточной Европы до Лабы. Бескровное покорение восточной сети континента прошло у Сталина так гладко, что он вообразил, что с такой же легкостью он сможет распространить советское доминирование на Западную Европу, а в дальнейшей перспективе — на весь мир. Будет ли НАТО в состоянии вовремя сделать выводы из опыта прошлого? Это в большой степени будет зависеть от позиции американской сверхдержавы, то есть от ревизии политики, проводимой до сих пор администрацией Клинтона в отношении России, и от того, какую политику будет вести его наследник.

Россия преступная, Россия правдивая

«Gazeta Wyborcza», 4 марта 2000, № 54

У России два лица. Одно — нечеловеческое и преступное — появилось в Катыни, Медном и Харькове, а сегодня в Чечне. Второе — правдивое — в героическом признании лжи собственного прошлого.

Приказ уничтожить около 22 тысяч безоружных польских пленников был издан по предложению Бери 60 лет тому назад, 5 марта 1940 года. Под ним стоят инициалы Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна. Выполнение приказа было тщательно подготовленной

НКВД технической операцией. Все было запланировано до мельчайших деталей: календарное расписание железнодорожного транспорта, тип вагонов, место выгрузки, способ перевозки жертв к месту казни, наконец, экзекуция, напоминающая механизм быстрого поражения животных электрическим током, — выстрел в затылок.

Я избежал Катыни чудом. В битве под Устилугом я попал в немецкий плен. Двумя днями позднее все мои ближайшие боевые товарищи с капитаном Витольдом Хердегеном во главе попали в советские руки. Их фамилии я нашел в списке убитых.

Когда весной 1943 года я смотрел немецкие фотографии трупов, извлеченных из могильных ям, мне пришло в голову: как немного отделяло меня от того, чтобы быть одним из них. В воображении я переживал свои последние минуты. Вдруг до моего сознания дошло, что это казнь. Болезненное затягивание веревки, которой мне завязывают сзади руки. Последняя мысль о самых близких и последняя молитва. Рука палача хватается меня сзади за шею и наклоняет над ямой. И после уже ничего.

Катынская ложь

Недавно на экране телевизора я видел вторую Катынь, на этот раз в Чечне. Грузовики, наполненные грудами убитых молодых мужчин со связанными сзади руками. Сотни безжизненных тел, сброшенных в вырытые заранее рвы, сразу же засыпаемые экскаваторами, чтобы не найти следов.

Единственными свидетелями убийств в Катыни были палачи. Благодаря телевидению чеченскую Катынь видел весь мир, и, как и тогда, несмотря на очевидные до-

казательства, возрождается «катынская ложь». Представитель Путина заявляет, что киносъемка не является доказательством. Это провокация, подготовленная самими чеченцами либо западными журналистами.

В 1943 году соучастниками катынской лжи были союзники. Английское правительство получило секретное донесение от Оуэна Клера О'Мэлли, британского посла при польском правительстве в Лондоне. На основании косвенных доказательств, полученных от независимых экспертов, О'Мэлли неоспоримо подтверждал, что виновными в убийстве были Советы. Черчилль, зная правду, принял и провозгласил советскую ложь про то, что убийство совершили немцы. Эту же ложь поддерживал Рузвельт.

Можно признать, что во время войны с Гитлером эта ложь была крайней необходимостью. Поддержание союзнических отношений с Советским Союзом было неминуемым условием победы над Гитлером. Ничто, однако, не оправдывает того, что оба англосакских правительства поддерживали советскую ложь после войны.

Когда в конце 1970-х годов поляки в Лондоне хотели установить памятник жертвам Катыни в Кенсингтоне, недалеко от Бромптонской Оратории, тогдашний британский премьер возразил против помещения на памятник даты: 1940, потому что лишь в 1941 году Катынь оказалась в немецкой оккупации. Памятник можно было поставить только на кладбище, на выкупленном поляками могильном участке. В 1952 году администрация Эйзенхауэра проигнорировала результаты расследования комиссии Палаты представителей Конгресса США, признавшей вину Советов доказанной.

Единственным похвальным исключением в катынской лжи был британский прокурор Международного

трибунала в Нюрнберге, судивший гитлеровских военных преступников. Сэр Хартли Шоукросс решительно отверг желание советского прокурора включить в обвинительный акт против Германии катынское преступление.

Катынскую ложь умышленно повторяли очередные правительства ПНР. Если бы тогдашние власти верили, что ответственность лежит на немцах, то не запрещали бы употребление вслух слова «Катынь» даже в некрологах. Этот запрет сам по себе указывал на виновного. Лишь Войчех Ярузельский под давлением общественного мнения во время визита в Москву в апреле 1990 года потребовал от советских товарищей раскрыть правду.

Россияне в борьбе за правду

Борьбу за пересмотр катынской лжи начала и вынесла на первый план подпольная пресса в середине 1980-х годов. Обращенные к россиянам призывы дать доступ к документам и рассекретить правду нашли сильный отклик в среде российских демократов, объединенных вокруг «Мемориала». Уже в 1987 году деятели «Мемориала» по собственной инициативе предприняли попытки добраться до тщательно охраняемых секретных папок.

Первопроходцем, действующим самостоятельно, был военный историк Юрий Зоря. В течение нескольких лет он вел упорную борьбу за доступ к самым закрытым «Особым папкам», завершившуюся открытием документальных подтверждений того, что преступление было совершено НКВД. Результатом этих зачастую очень рискованных трудов был сборник «Документальная хроника Катыни», о котором было объявлено в 1989 году в докладе на научной конференции архивистов.

Зоря был не одинок. Список российских историков, архивистов, прокуроров и журналистов, находивших и предававших огласке документы или передававших их напрямую полякам, очень длинный. Раскрытие документов и указание их местонахождения дало возможность польской стороне требовать их копий от Горбачева, а позднее Ельцина. Советские, а затем российские власти не могли утверждать, что доказательств не существует, поскольку поляки указывали, где их можно найти, приводили их нумерацию, даты и т. п.

Самой большой заслугой деятелей «Мемориала» стало нахождение в Медном и Харькове неизвестных мест казни и массовых захоронений пленных из Осташкова и Старобельска. Профессор Рудольф Пихоя, многолетний руководитель Государственной архивной службы России, был тем, кто вручил Валенсе вещественные доказательства в виде приказа об убийстве 5 марта 1940 года. Военный прокурор, полковник Александр Третьцкий был соавтором добросовестного обвинительного заключения Главной военной прокуратуры СССР, заканчивающегося выводом о том, что вина Советов в полной мере доказана.

В 1993 году Третьцкого перевели на восток России. Другой военный прокурор, Степан Родзевич, потомок писательницы Марии Родзевич, оказал бесценную услугу, передав польской стороне доказательства, найденные в ходе следствия. 17 ноября 1993 года по телефону он договорился о встрече с генеральным консулом РП Михалом Журавским, хотел лично передать ему какую-то важную информацию. В этот же самый день, незадолго до встречи, здоровый, 48-летний мужчина неожиданно скончался от сердечного приступа.

Без обвинительного акта

Венцом героических стараний наших российских друзей в борьбе с катынской ложью являются изданные в 1995 и 1998 годах первые два тома монументального труда «*Katyń. Dokumenty zbrodni*» («Катынь. Документы преступления»). Они были изданы по-польски польскими архивами и на русском языке российскими архивами⁵. Редакция и обработка были совместными, но документы — тысячи страниц — нашли и получили, по большей части, русские. Без их участия, преодоления ими преград и сопротивлений, а также без согласия, пусть и неохотного, высших российских властей в лице Горбачева и Ельцина белое катынское пятно никогда не было бы устранено.

В августе 1993 года Ельцин возложил венок под Катынским крестом на Повонзках. Перед телевизионными камерами он поцеловал руку спасенного пленника из Козельска, ксендза Здислава Пешковского и прошептал слова: «Приношу извинения».

Действительно ли белое катынское пятно было заполнено без остатка?

Благодаря сотрудничеству россиян в сборниках документов «*Katyń. Dokumenty zbrodni*» появился полный список совершивших преступление, как отдававших приказы, так и палачей. Также есть список отмеченных и награжденных за совершение преступления.

⁵ Катынь : Пленники необъявленной войны : документы. — М. : МФ «Демократия», 1999.

Стефан Снежко, заместитель генерального прокурора, получил задание приготовить обвинительный акт против еще живущих убийц и требование их экстрадировать либо подвергнуть суду в Российской Федерации. Снежко был недавно уволен со своей должности министром юстиции. Чего он добился в течение последних десяти лет?

Из сборника документов «*Katyń. Dokumenty zbrodni*» (т. 2, с. 11) следует, что по приказу разведки НКВД (V Отдел Народного Комиссариата внутренних дел) помиловано 395 человек, то есть 3% пленных из всех трех лагерей. Среди них были пленные, которые выразили готовность сражаться на стороне Красной армии в случае нападения Германии на СССР. В связи с дипломатическим вмешательством Германии были удалены из состава «транспорта смерти» 24 человека, Литвы — 19 человек. 91 человек исключен с целью дальнейших допросов советской разведки. К ним присоединился профессор Станислав Свяневич, в последний момент перед казнью снятый с поезда на станции Гнездово.

Около 90 фамилий оказались в списке пленных, завербованных к сотрудничеству специальными лагерными отделами. В качестве сексотов они информировали о настроениях, а также высказываниях и поведении отдельных заключенных. В таком доносе нашлось решение пленных в одном из блоков: «Непреклонно держаться в грядущих боях за великую Польшу. Что бы с нами ни сделали, Польша есть и будет... Непреклонно держаться с честью польского офицера за будущую великую Польшу».

Такого рода общие решения, пересказанные польскими доносчиками, вероятно, склонили Сталина

и Берию причислить всех пленников, кроме немногочисленных исключений, к непримиримым «классовым врагам» и уничтожить их.

Что сделал прокурор Снежко для получения актов и установки фамилий этих польских соучастников катынского преступления?

Человеческое лицо России

Осталась еще задача достойно, с почестями перезахоронить останки подло загубленных жертв. На суверенной российской территории полякам предстоит проведение работ по поиску и вскрытию расстрельных ям, покрытых землей и лесом, а также идентификации польских останков.

Это задание доверили Совету по охране памяти борьбы и мученичества под руководством Станислава Броневского. Совет, поддерживаемый Федерацией катынских семей (польск. *Federacja Rodzin Katyńskich*), поставил себе конечной целью создание мемориальных комплексов на кладбищах в Катыни, Медном и Харькове. Деятельность Совета продвинулась вперед, когда в 1993 году его секретарем стал 29-летний историк Армии Крайовой Анджей Пшевозник. Его самоотверженность, энергия и способности к убеждению, при совершенном отсутствии давления, ничего бы не дали, не получи он согласия и сотрудничества центральных и местных российских властей. Задание, казалось бы, невыполнимое, поскольку ни одна нация в мире охотно не признается в поступках, которые влекут на нее позор. Скорее, о них забудут, чем станут увековечивать места преступлений и о них распространяться («не плюй в свой колодец»).

Пшевозник и его команда встретились с яростным сопротивлением наследников КГБ и СССР, но также с пониманием и доброжелательностью местных жителей, представителей районных властей в Смоленске, вице-губернатора Твери Вячеслава Подьячева, а также многих журналистов, добросовестно повествующих о катынских делах. Польская сторона столкнулась также с требованием, что кладбище и памятник жертвам сталинских преступлений должен быть общий для всех погибших, не учитывая их национальности, то есть не только для поляков, но также для русских, украинцев и всех убитых и похороненных в этих местах. Слов признания заслуживает также итоговое согласие российских властей на то, чтобы кладбище на месте казни польских пленников стало польским воинским мемориалом.

Из польских намерений ничего бы не вышло, если бы не поддержка, оказанная Анджею Пшевознику заместителем министра культуры правительства Российской Федерации Вячеславом Брагиным, которого назначили российским представителем по вопросам Катыни. В интервью «Gazeta Wyborcza» (3 ноября 1997 года) Брагин заявил, что очистка совести России от катынского преступления стала миссией его жизни. «Как русский, — сказал он, — я больше всего заинтересован в том, чтобы Россия показала свое человеческое лицо». В прошлом году Брагин был уволен со своего поста. Светлана Филонова, журналистка еженедельника «Россия», в статье «Катынской мерой», которая вышла на польском языке («Więź», февраль 1996), написала, что «не может быть никакого очищения, «пока мы сами не соскрежем с себя кору нераскаянных грехов и страшных ошибок, которая нарастала на нас веками».

Польский долг благодарности


Три года назад Брагин утверждал, что Катынь и Медное стали для россиян чертой, разделяющей их страну на две части: демократов и коммунистов. К демократической части принадлежат те, кто открыто признает, что польских пленников уничтожило НКВД. К лагерю противников демократии — те, кто хочет об этом забыть и правду заглушить.

Итак, у России два лица. Одно — ужасное, нечеловеческое и преступное, которое проявилось в Катыни, Медном и Харькове, а сегодня заново проявляется в Чечне. И есть второе, которое мы видим в героическом признании лжи собственного прошлого и очищении своего народа от совершенных преступлений. Можно двояко рассматривать россиян: как виновников Катыни или как товарищей в беде и жертв той же самой нечеловеческой системы. Ведь останки убитых по приказу Сталина русских перемешаны или соседствуют с могилами поляков.

Если мы хотим для себя и других людей, без учета их национальности и вероисповедания, лучшего будущего, мы должны показывать тем, кто борется за лучшее лицо России, свои признание, поддержку, благодарность и память. Мы должны им помогать и оберегать их от опасностей, возникающих сегодня над их головами.

Опасность становится реальной в момент, когда человек, воспитанный в школе преступлений и лжи, какой была и есть КГБ, получает всеобъемлющую власть над российским великаном. Во времена Советского Союза мировая известность спасла Солженицына, Сахарова, Гинзбурга и других. Единственным щитом, каким можем мы заслонить наших российских друзей, может быть только признание их героической борьбы за человеческое лицо России. Мы можем привлечь к этому внимание мира.

<...>



III.
Украина

Польза общественной дипломатии

«Gazeta Wyborcza», 17 декабря 2001, № 294

Польская восточная политика развивается в двух плоскостях — правительственной и общественной. Достижением очередных правительств прошедшего десятилетия являлись договоры о добрососедстве со всеми рядом лежащими государствами. По второму, параллельному пути, развивается спонтанная общественная дипломатия, идущая из гражданской инициативы. Некоммерческие организации преследуют цель внутри обществ построить опору для сближения правительств. Здесь берет начало борьба с чуждыми стереотипами через взаимное знакомство людей по обе стороны границ. Международные договоры подписываются в течение нескольких минут, а устранение предрассудков, глубоко укоренившихся в кошмарном прошлом, требует времени, терпения и усилий.

Появляются признаки того, что общественная дипломатия уже не ограничивается симпозиумами и риторикой, а вступает в фазу конкретных действий. Варшавский университет недавно открыл Отделение исследования Восточной Европы. Обучение в двухлетней специализированной магистратуре в столице начали 25 стипендиатов, отобранных среди кандидатов из нескольких десятков стран к востоку и югу от наших границ. В числе преподавателей присутствуют англичанин, француз, американец, украинец и двое поляков. Руководителем Отделения исследования Восточной Европы в Варшавском университете является Ян Малиц-

кий при поддержке ректора Петра Венгленского. В то же время благодаря стараниям ветерана Армии Крайовой профессора Ежи Клочковского в Люблине была создана Европейская коллегия польских и украинских университетов под патронатом Люблинского католического университета и трех украинских университетов. В начавшемся учебном году около ста польских и украинских кандидатов будут стараться получить диплом магистра высших учебных заведений Люблина. Украинцы будут одновременно учить польский, а поляки украинский язык.

И, наконец, в ноябре во Вроцлаве был создан Коллегиум Восточной Европы. Нижняя Силезия уже в течение десяти лет является местом польско-немецких встреч в Международном доме встреч молодежи в Кшижовой. Коллегиум Восточной Европы стремится создать похожие дома встреч для украинцев, белорусов, русских и литовцев.

Самым важным и одновременно самым трудным направлением является преодоление взаимной враждебности и построение дружбы с украинцами. Мне выпала честь принять участие в открытии первого мероприятия Коллегиума Восточной Европы — Вроцлавского фестиваля украинской культуры.

Ободряющей была реакция вроцлавской общественности. Переполненный зал Театра Польского, сердечный и теплый прием великолепного украинского хора «Пикардийская терция» из шести человек. Красивым вступительным аккордом стала прекрасно исполненная украинцами «Богородица». Четыре дня фестиваля были насыщены выступлениями ведущих украинских ансамблей и солистов. Каждый вечер программа заканчивалась польско-украинскими посидел-

ками, включающими в себя пиво и хлеб со смальцем, сопровождающимися танцами и совместным пением в «Карчме млынської» на Тумском острове. Душой Коллегиума Восточной Европы стал Ян Анджей Домбровский и 25-летний украинец из Львова Остап Процик. В дальнейшей перспективе Коллегиум планирует выставку украинской культуры в Польше — прежде всего, памятников древней письменности, религиозной и народной культуры. Эти памятники настолько разбросаны по всей Польше, что стали мало заметны. Их собрание в одном месте и выставка были бы с польской стороны большой любезностью и жестом доброй воли в отношении Украины.

Самым важным достижением на пути польско-украинского сближения является завершённый в этом году совместный труд польских историков и украинцев, посвященный сведению счетов с трагическим прошлым. Примечательно, что с инициативой этого мероприятия выступил Всемирный союз солдат Армии Крайовой и Союз украинцев, объединяющий украинцев, изгнанных после войны из своих домов на юго-восточных рубежах послевоенной Польши, то есть тех, кто считается наиболее пострадавшими от поляков. И с другой стороны — объединение солдат АК, имеющих в своих рядах бойцов 27-й Волынской дивизии АК, то есть тех, кто видел и реагировал на массовое уничтожение польского населения на Волыни.

В течение трех лет состоялись десять таких трудных встреч. В них приняли участие около 30 историков с обеих сторон. Участники старались найти общий ответ на сложные вопросы, касающиеся прошлого. Встречи стали, однако, не полем битвы, а вдохновляющим выражением доброжелательности двух сторон. Необычайно

достойному учреждению, коим является Центр Карта (польск. *Ośrodek Karta*), мы обязаны ведением этих дебатов вживую, их фиксации и публикации материалов этих дебатов в восьми томах, которые уже появились (два последних находятся в работе).

Это захватывающее чтение. Украинцы и поляки диаметрально противоположным образом видят трагический и кровавый раздел, ограниченный 1918–1989 годами. Человечеству свойственно помнить обиды, которые мы потерпели от кого-то, и забывать оскорбления, нанесенные нами другими. Это касается обеих сторон. Поляки помнят предвоенные украинские террористические акты, убийство депутата Сейма Голувки и министра Перацкого; украинцы помнят дискриминационную политику польских правительств и несоблюдение обещаний, а также попытки принудительной полонизации украинского меньшинства. Поляки не забыли во льинской резни, а украинцы — операции «Висла», выселения украинского народа с пшемысльских и хелмских земель и разброс их среди польских масс на западных землях. Двусторонний перечень взаимных обид ужасен своей фактографией. Из восьми томов материалов дебатов можно узнать все о проблематике польско-украинского конфликта. Сегодня спор идет не о границах и правах меньшинств, а о могилах и символах.

«Трудные вопросы» (польск. «*Trudne pytania*») — это увлекательное чтение, поскольку ничто так не привлекает внимание и не вызывает заинтересованность, как спор и конфронтация крайне противоположных взглядов. Сильнее всего, однако, воздействует на читателя двустороннее проявление доброжелательности. Как польские, так и украинские историки эмоционально глубоко затронуты давними спорами, но стараются

сдерживать собственные чувства. Одни и другие представляют собственные доводы и свое видение прошлого, выкладывают документы и доказательства, предъявляют факты, но вместе с тем стараются воздерживаться от острых формулировок, учитывать обоюдную впечатлительность и, прежде всего, пытаются смотреть на историю глазами оппонента, поставить себя на его место.

Каждая сессия заканчивалась списком совместных решений. Заранее условились выявлять вопросы, по которым не удалось договориться. Это было легко предугадать: многочисленное сообщество включало в себя, помимо умеренных, непримиримо настроенных ученых. Однако каждое следующее заседание поднимало уровень дискуссии и синергии на более высокий. К сожалению, на восьмом симпозиуме в ноябре прошлого года произошло столкновение мнений. Один из двух инициаторов, Союз украинцев, отказался от участия в дальнейших встречах. Украинские историки из Львова и Киева, все же остались на конференции, и произошло завершение двухсторонних трехлетних усилий. Эпилогом должен был стать большой польско-украинский научный форум. Следует сожалеть, что для него не хватило средств из государственной казны. Еще большую досаду вызывает то, что такой большой труд и такие значительные достижения не нашли должного резонанса в польских СМИ.

У польско-украинского объединения есть враги по обе стороны. И здесь, и там слышны выступления против оправдания преступников. Есть поляки, которые растягивают ответственность за преступления и убийства, совершенные украинцами в отношении польского населения, на всю нацию, и есть украинцы, которые не могут и не хотят забывать обиды, нанесенные польски-

ми руками. Можно спорить по поводу того, кто кому больше причинил зла — но что из этого выйдет и кто этим воспользуется?

В ходе последующих конференций выявлена подстрекающая роль немцев и, прежде всего, русских. Были предъявлены документы, оказавшиеся советскими фальшивками. На Волыни все началось с уничтожения украинских деревушек и убийства жителей советскими партизанами в польских мундирах. Отряд Сатановского — подразделение карателей на советской службе — взял название «*Jeszcze Polska nie zginęła*»⁶.

В жизненных интересах обоих народов лежит закрытие счетов к прошлому, которое продолжает разделять, и уважение к символам и могилам, чтобы вместе обратиться к будущему, свободному от уничтожающей ненависти. Польша обладает сегодня превосходством над украинским соседом по многим параметрам, и поэтому польское стремление к согласию будет требовать от нас терпения и сдержанности. Мы не ожидаем взаимности. Польско-украинское объединение находится в жизненном интересе обеих сторон. Падение Речи Посполитой началось из-за войны с казаками. Борьба привела к ослаблению обоих народов, и оба на протяжении ста лет находились под властью Москвы. То же самое повторилось после Второй Мировой войны.

Как сказал 80 лет тому назад Игнацы Дашиньский: «Без свободной Украины не будет свободной Польши и без свободной Польши не будет свободной Украины». Над обоими народами снова будет простираться тень возрожденного российского империализма.

⁶ Первая строка польского гимна: «Еще Польша не погибла».

Уступки уже были

«Gazeta Wyborcza», 4 июня 2002

Яцек Куронь в своей статье «Я понимаю гнев украинцев» («Gazeta Wyborcza» от 22 мая 2002) имеет смелость прочувствовать и понять положение другой стороны в споре за Мемориал защитников Львова или «Львовских орлят» (польск. *Smentarz Orląt Lwowskich*) на Лычаковском кладбище. Он принадлежит, несомненно, к особым символическим объектам. Как поляки, так и украинцы в своем большинстве помнят только несчастья, которые они пережили, и не помнят несчастий, которые они причинили. В 1918 году трагедия первых и вторых состояла в том, что и поляки, и украинцы были не на жизнь, а насмерть влюблены во Львов, который уже столетие был их городом. Как в каждой войне, польско-украинскому конфликту сопутствовала взаимная ненависть, которая всегда приходится матерью злу.

Куронь в своем благородном высказывании обходит тот факт, что с польской стороны уже были сделаны серьезные уступки, которые должны были лишить Мемориал защитников Львова статуса «пантеона славы польского оружия в победоносной войне с украинцами». В этом деле уже были достигнуты и подписаны соглашения. *Pacta sunt servanda*. То есть с момента, когда украинская сторона согласилась на надпись на памятнике в новой редакции, полякам стало трудно отобрать у павших слова, называющие их смерть героической. Президент Квасьневский поступил правильно, отложив торжественное открытие памятника до момента до-


стижения согласия. Это согласие и дружба обоих народов слишком важны для будущего, чтобы позволить им разбиться о надпись на могильной плите. С польской стороны необходимы терпение и спокойствие и, прежде всего, воздержание от публичных высказываний, которые бы осложнили попытки доброжелательных украинцев урезонить у себя в стране крайне националистические элементы. Ненавистный национализм присутствует с обеих сторон, принося ощутимый вред обоим соседним государствам. Нетерпение и возмущение Анджея Пшевозника понятно, если представить, что он был тем человеком, который в трудных и продолжительных переговорах достиг нарушенный сегодня компромисс. Спор вокруг Мемориала защитников Львова стал настолько небезопасным для польско-украинских отношений, что все предопределяющие решения и высказывания необходимо оставить главам государства и правительствам.

Мне кажется, польская сторона могла бы безболезненно лишить Мемориал защитников Львова коннотаций, затрагивающих чувства украинцев, если бы мы установили там скромный памятник символическому рукопожатию Сечевика⁷ и Орленка⁸ и поместили бы под ним надпись: «Памяти украинцев и поляков, павших в братоубийственной войне за Львов». Я также думаю, что доброжелательным жестом был бы отказ от возвращения на Мемориал защитников Львова памятников

⁷ Сечевой стрелец или «усус», боец «Украинского добровольческого легиона» в составе австро-венгерской армии.

⁸ Молодой польский ополченец, подросток, принимавший участие в обороне Львова во время Польско-украинской войны (1918–1919).

(не надгробий, а памятников) американским летчикам и французским пехотинцам. Они погибли в нашей борьбе с большевиками, а не с украинцами, и оба этих памятника должны быть поставлены в Польше на одном из кладбищ солдат, павших в войне с большевистским вторжением 1920 года.



IV.
Беларусь

Очень длинный рубеж

«Rzeczpospolita», 22 сентября 1998

Польша должна поддерживать Беларусь в обретении этнической и культурной идентичности.

Прав ли Ежи Гедройц, методично подвергающий критике восточную политику Республики Польша? Мои сомнения сводятся к тому, что редактор парижской «Культуры» не предоставил до сих пор никакой убедительной альтернативы и не уточнил, как эта политика должна вестись.

Кажется, что проводимая до этих пор политика объединения с Украиной и Литвой, последовательно продолжаемая каждым следующим польским правительством, начинает приносить свои плоды. Налаживание дружественного сотрудничества и сближение с Россией будет трудным, пока российская элита не смирится с утратой империи, но и в этой области терпеливые старания польской стороны можно упрекнуть в немногом. Критика Гедройца находит все же в отношении Беларуси полное обоснование. Предыдущие правительства, как и современная команда, не имели четко выделенной линии поведения ни в отношении деспотичного правительства Лукашенко, ни в отношении демократической оппозиции.

Постулаты Гедройца

Это отчетливо проявилось в недавней дискуссии по поводу идеи запуска оппозиционной белорусской ра-

диостанции, которая транслировала бы программы из Польши и работала бы по образцу «Свободной Европы». Эту мысль поддержало американское правительство и даже ЦРУ. В то же время все, от начала до конца, было недопониманием, которое возникло после визита Ежи Бузека в Вашингтон. Его вызвали попытки радиостанции «Свобода» получить польский передатчик средних волн для улучшения слышимости белорусских программ этой радиостанции, передаваемых из студии в чешской Праге. В беседах польского премьера с правительством США этот вопрос вообще не был затронут.

По мнению деятелей белорусской оппозиции, «Радио Свобода» играет стратегическую роль как источник новостей о том, что происходит в мире и, прежде всего, в их собственной стране. Поэтому мне кажется, что трансляция белорусских программ «Радио Свобода» на одной из польских антенн и частот находится в польском интересе. После размышлений я пришел к убеждению, что все же Гедройц прав. Редактор «Культуры» высказался против запуска на польской территории радиостанции, которая бы была органом или суррогатом белорусской оппозиции. В то же время он рекомендует помогать Беларуси в обретении ею этнической и культурной идентичности.

Его предложения следует рассматривать в широком понимании польской политики в отношении белорусского соседа. То что концепции этой политики до сих пор не разработаны, объясняется недостатком заинтересованности, граничащим с пренебрежением к проблеме. Такой подход закладывает угрозу в будущем. Ведь единственным потенциально опасным отрезком наших границ является именно этот, разделяющий Польшу и Беларусь. Ситуацию усугубляет тот факт, что

власть над страной находится в руках непредсказуемого деспота, который мечтает воскресить Советский Союз. Александр Лукашенко видит в интеграции Беларуси с Россией широкое поле для собственных амбиций. Эти бесконтрольные мечты стали источником недавнего противостояния между бывшим председателем белорусского колхоза и Ельциным, а одновременно послужили сближению между Лукашенко и коммунистической фракцией Геннадия Зюганова.

Недоверие и даже враждебность Кремля тормозили до сих пор непредсказуемую агрессивность Лукашенко. Ситуация может радикально измениться с момента краха или отставки Ельцина. Особенно если бы исполнился самый худший сценарий, каким бы стал приход к власти или хотя бы к участию в правительстве в Москве коммунистических союзников Лукашенко.

Опасное пренебрежение

Недостаток заинтересованности, и еще хуже, пренебрежение к белорусскому соседу может плохо отозваться. С Беларусью у нас граница протяженностью 416 километров, не намного короче, чем граница с Германией. Через Беларусь проходят газопроводы и трубопроводы, обеспечивающие подачу необходимого сырья для польской экономики. Природный газ, покрывающий 70 процентов польских нужд, и нефтяное сырье, покрывающее 65 процентов нашей необходимости, доставляются из России именно через Беларусь.

В соответствии с последней советской переписью населения в Беларуси проживает 600 тысяч граждан польского происхождения. В действительности же намного больше, поскольку значительная часть поля-

ков все еще боится раскрывать свою национальность. Только в Гродненской области живет более 400 тысяч поляков. Это самое большое скопление автохтонных польских жителей за границами Польши. Ее судьбы, как и судьбы католической церкви в Беларуси, зависят от правильных отношений между Минском и Варшавой. Их серьезное ухудшение могло бы повлечь за собой преследование поляков и конфликт не только с Беларусью, но и в дальнейшей перспективе, может быть, и с Москвой. Это реалии, от которых не удастся уйти. Советизация всесторонне затронула Беларусь, и шансы на свержение деспота и возвращение демократического строя в этой стране в ближайшее время, скорее, ничтожны.

Моральный долг Польши — не только предоставить убежище и распространить особую опеку над политическими беженцами из Беларуси. Но Польша не может при этом стать Пьемонтом для белорусской демократической оппозиции. Когда меня спросили, что я думаю про идею создания белорусской «Свободной Европы», вещающей из Белостока, я ответил: «Если безоружный и близкий мне человек окажется в клетке хищника, который в каждую минуту может на него броситься и убить или покалечить, то я не буду дразнить зверя снаружи, втыкая колья сквозь прутья клетки».

Границы свободы

Послышались голоса о том, что в Польше господствует свобода слова и каждый, включая американцев, у кого есть деньги, может запустить частную радиостанцию, за которую польское правительство не несет ответственности. Это с уверенностью относится к польским средствам трансляции. Однако программы, предназна-

ченные для заграницы, не могут угрожать безопасности государства. Англия — мать свободы слова, но трансляция передач, предназначенных для заграницы, законодательно гарантирована монополией Би-Би-Си.

Британское публичное радио — это независимое от государства учреждение, но его автономия ограничена директивами МИД, гарантирующими, что заграничная служба Би-Би-Си не нарушит границ, продиктованных интересами государства. «Свободная Европа», ведущая трансляции из Мюнхена, была в своей основе суррогатом свободного радио, вещающего из Варшавы. Мы пользовались свободой слова в очень широких границах, обозначенных так называемыми *policy papers*, то есть директивами, которые с определенной периодичностью издает Государственный департамент. Они ограничивались уверениями, что программы, транслируемые в Польшу, не будут противоречить долгосрочным целям американской политики. На счастье, эти цели соответствовали нашим: мирному освобождению от советского господства и возвращению демократии. Мы могли себе позволить очень многое, поскольку за нами стояла мощь супердержавы, которая вела идеологическую войну с советским блоком.

Польша — не супердержава, и ее безопасность не позволяет вести холодную войну с кем-то из соседей. У свободы есть свои границы. Это не означает, что каждый, у кого есть средства, может организовать на польской территории частную армию и по собственной инициативе начать наступательные действия против одного из соседей.

Кроме белорусских трансляций «Польского радио», передаваемых из Варшавы, есть региональные программы для белорусского меньшинства, базирую-

щиеся в Белостоке, ведущиеся на высоком уровне хорошими радиоспециалистами из Беларуси и Польши. Следовало бы их значительно увеличить во времени вещания, но они должны остаться в ведении польского публичного радио. Из соображений безопасности государство не может взять ответственность за частные радиостанции, ведущие программы с польской территории, но лишённые всякого контроля.

Каким образом мы можем воплотить в отношении братского белорусского народа наш девиз «За нашу и вашу свободу!»?

Задачи для радио

Я соглашусь с ответом, который дал на этот вопрос Ежи Гедройц: посредством оказания помощи патриотическим белорусским сообществам в возрождении культурного наследия и этнического своеобразия. Достижение этой цели, свободной от временных политических взглядов, требует перенесения Беларуси в иерархии интересов с одного из последних мест на одно из первых. Это требует предоставления для этой цели конкретных средств.

Как я уже упоминал, прежде всего, следует поддержать и расширить трансляцию «Польского радио» и общественного телевидения, вещающих на белорусском языке. В программах должна быть заключена информация о событиях в Беларуси и в Польше, а также эхо белорусских событий в мире, касающихся, прежде всего, Беларуси. Также в них должно быть много времени и места уделено литературе, истории и белорусскому культурному творчеству, а также белорусским внутренним событиям, включая спортивные. В добро-

совестных, профессиональных руках белорусских журналистов эти программы могли бы стать привлекательными для миллионов слушателей. Важным элементом программ «Польского радио» должны быть трансляции церковных служб из какого-либо православного центра в Польше. Сложно найти лучший способ поддержки традиции польской веротерпимости. «Польское радио» также могло бы создать форум для молодых писателей и поэтов-дебютантов из Беларуси. Я помню, какими интересными были в «Свободной Европе» пятнадцатиминутки новой литературы, представляющие творчество молодых талантливых людей, которые без продвижения их имён не имели возможности стать известными в стране. Условием успеха было бы дружественное партнерство и сотрудничество между поляками и белорусами, похожее на то, что существует в «Свободной Европе» между поляками и американцами, которые умели с уважением и пониманием относиться к не имеющим гражданства эмигрантам.

Трансляции из заграницы, обращающие внимание на страну, которой они предназначены и являющиеся мировым отзвуком событий в этой стране, обогащают слушателей. Каждый любит, когда о нем говорят. Белорусам необходимо чувство гордости за их прошлое, традиции, язык, наследие и достижения. «Польское радио», вещающее на Беларусь, может им это обеспечить.

Шанс в культуре

Идя по следам постулатов Гедройца, Белосток и, прежде всего, его альма-матер должны стать центром белорусской науки и культуры, влияющим из Польши на Беларусь. Задатки уже есть. В Белостокском универ-

ситете была создана Кафедра белорусской культуры, объединившая как польских, так и белорусских ученых и студентов. К сожалению, ее финансовые средства чрезвычайно невелики.

Гедройц обоснованно постулирует создание второй независимой Кафедры белорусской филологии, которая бы вела исследования по белорусской литературе. Помощь государства в пользу таких изданий, как «Белорусские исторические тетради», должна быть значительно увеличена. Фонд Батория, пользующийся в США большим доверием, должен постараться получить на эти цели помощь от американских фондов и учреждений.

Важным направлением деятельности была бы стипендия для молодых белорусов как помощь при формировании кадров белорусских профессионалов в польских вузах. Мы помним, какую большую роль сыграла в Польше стипендия Фулбрайта и американских университетов. Эмиграция критиковала американцев за предоставление стипендий не только независимым кандидатам, но и членам коммунистической партии.

Результаты показали, что это была мудрая и дальновидная политика. Будущие архитекторы польского экономического чуда в молодом возрасте принадлежали к ПОРП. Может быть, их западный опыт послужил тому, что они стали во главе членов партии, бунтующих против догматов марксизма-ленинизма, и стали строителями системы рациональной экономики.

Был бы Лукашенко склонен принять такую инициативу? Не знаю. Следовало бы его спросить. Несмотря на понятное неодобрение режима Лукашенко, в интересах самих белорусов находится поддержание с ним официальных отношений, к примеру, через Польшу.

Лучший образ Польши

Реализация программы поддержки белорусского народа в большой степени зависит от того, как будут складываться отношения нашего государства с 200-тысячным белорусским меньшинством в Польше. Польша также должна обеспечить им равные шансы не только в формально-правовом отношении, но и в практическом. В свою очередь, белорусы, оставаясь верными своему наследию, должны ставить в основу гражданскую лояльность польскому государству. Любая белорусская организация, согласившаяся играть роль «пятой колонны» Лукашенко и принимать из Минска инструкции и деньги, угрожала бы и собственному положению, и конструктивной политике сближения Польши с Беларусью. Также не является тайной, что в рядах Союза демократических левых сил есть люди, которые выказывают симпатию Лукашенко и его панславистским идеям.

Чем больше бескорыстного желания помощи Республика Польша будет показывать своим восточным соседям, тем больше будет расти ее влияние и положение в регионе Центральной и Восточной Европы и тем лучше будет выглядеть образ Польши в мире.

Пробудить белорусов

«Gazeta Wyborcza», 25 ноября 2003, № 274

Уже кажется трюизмом тезис о том, что примирение и сближение с соседями, которых у нас целых семе-

ро, лежит в жизненных интересах нашей безопасности. В первый раз в истории нам ничего не угрожает со стороны Германии, которая стала интеграционной частью Европейского союза. Германия для нас не опасна, поскольку в интересы немцев не входит разбивание существующей европейской структуры, которая их в действительности ограничивает, но вместе с тем приносит огромную экономическую прибыль.

В то же время отношения с Востоком все еще не так стабильны, как с Западной Европой. Их будущее зависит от того, как будут формироваться судьбы и политика наших трех восточных соседей: России, Беларуси и Украины. Условием безопасности восточной стены Польши является консолидация независимой государственности Беларуси и Украины. Пока этого не произойдет, русские окончательно не смирятся со своими теперешними границами.

Сегодня в российской элите все еще имеют хождения небезопасные надежды вернуть, хотя бы частично, владения, потерянные в 1990 году. Эти мечты поддерживает внутренняя слабость обоих западных соседей России. Экономика Беларуси и Украины находится в опасной зависимости от российских поставок стратегического сырья и энергии. Растущая экономическая зависимость от российского колосса может привести к тому, что Москва захочет в будущем диктовать Киеву и Минску политические условия. Это был бы конец суверенности Украины и Беларуси. Польша снова бы оказалась лицом к лицу с возрождающейся империей, которая по своей природе стремится к расширению своего влияния на более слабых соседей.

Прежде всего, Беларусь

С этой точки зрения активная политика в отношении Беларуси и Украины должна составлять для Польши стратегический приоритет. Я умышленно, указывая на обе страны, на первое место ставлю Беларусь, а не Украину.

Во-первых, потому, что то, что еще осталось от независимости Беларуси, находится в большей опасности. Среди государств, которые выделились после распада СССР, Беларусь, наверное, самое слабое звено, единственное государство, возглавляемое бывшими советскими партийными бюрократами в старом деспотическом стиле. Заново установленный Москвой контроль над Беларусью решил бы и судьбу Украины.

До сих пор недостаток интереса к Беларуси существует не только в Польше, но и в Европе и Соединенных Штатах. Для поляков Беларусь веками была частью Литвы или просто Литвой. Тадеуш Костюшко и Адам Мицкевич считаются и сами себя считали польскими литовцами, несмотря на то что первый родился в Мерецехвине, а второй в Новогрудке, то есть оба на западных рубежах Беларуси. Костюшко происходил из семьи когда-то православной, то есть белорусской. Не только для поляков и русских, но в глазах самих белорусов их страна была местом их рождения и проживания и составляющей частью территории некоего большого государства. Сначала ею была Речь Посполитая обоих народов, а затем Россия.

Сегодня, помимо экономической нищеты, самым большим внутренним источником опасности Беларуси является отсутствие чувства этнической идентичности значительной части общества. Советизация и русифи-

кация умов достигли в течение 75 лет существования СССР тревожащих успехов. Большинство белорусов свой язык понимает, но им не пользуется. Русский преобладает в частных домах, в учреждениях, в школах и в университетах, в публичной и культурной жизни. И это несмотря на закон белорусского парламента, провозглашающий белорусский язык учреждений.

Процесс русификации добился следующего угрожающего прогресса с момента, когда деспотическое правление начал Александр Лукашенко, типичный представитель бывшей советской бюрократии. До недавнего времени в присоединении Беларуси к России амбициозный аппаратчик, прежде всего, видел шанс для себя. Он жаждал место и одну из главных ролей в правительстве России. Путин разбил эту надежду, что наверняка охладило стремления Лукашенко, но не уменьшило угрозы. Согласно высказыванию одного из белорусских оппозиционных деятелей, услышанного мною, из-за ухудшающихся бытовых условий, по меньшей мере, 40 процентов населения приняло бы новую инкорпорацию с Россией без сопротивления, а может быть, даже с какой-то надеждой на улучшение.

Этим тенденциям стараются противостоять патристические белорусские элиты. Несмотря на раздел и политическую фрагментацию, они придерживаются общей позиции в борьбе за национальное возрождение.

Лукашенко управляет Беларусью авторитарным способом, не допускающим оппозицию к власти. Однако это еще не герметичный тоталитаризм. Остается поле для свободы — может быть, похожее на то, что существовало в Польше во времена Герека. Оппозиция существует и представляет уровень и потенциал, который нельзя игнорировать. Самой большой преградой для

нее является недостаток доступа к массовым средствам вещания и, тем самым, отсутствие возможности влиять на собственное общество.

Что мы можем сделать?

Какую позицию занять и какие действия могла бы предпринять Польша, чтобы поспособствовать укреплению белорусской государственности?

Нам не хватит сил на агрессивную политику в отношении России и, прежде всего, нам не хватит средств, чтобы действовать по собственной инициативе. Мы можем быть эффективны лишь при сотрудничестве с Евросоюзом и Соединенными Штатами. Роль Польши должна состоять в том, чтобы пробудить заинтересованность белорусской проблемой у Европы и Соединенных Штатов. Партнерство с Америкой кажется мне более реальным, чем с тяжелым по натуре европейским коллективом.

Польша должна обратиться к Вашингтону с конкретной программой сотрудничества и совместной стратегии по примеру той, которая в недавнем прошлом принесла успехи в Польше и в Центральной и Восточной Европе. Это политика была рассчитана не на незамедлительный эффект, а на долгую дистанцию. Она состояла в открытии — с использованием всех доступных средств — направленных на Запад польских дверей и окон. Ее главными инструментами тогда были свободные высказывания носителей идей, передаваемые посредством радио и печатных изданий, выпускаемых за границей.

Польша, как непосредственный сосед Беларуси, могла бы сыграть на этом поле роль стратегической

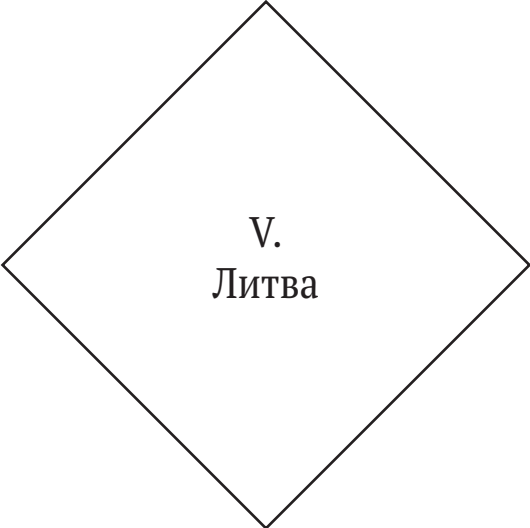
базы. Программы «Радио Свобода», передаваемые в Беларусь в слабом диапазоне из чешской Праги, должны быть значительно усилены, а радиопередатчики и студия перенесены в Польшу и в Литву и размещены в местах, гарантирующих самый лучший прием. Следовало бы принять модель радиостанции «Свободная Европа», обеспечив ей широкую редакционную автономию и, по возможности, заполнение эфира материалами, предоставляемыми белорусскими журналистами, публицистами и историками, живущими в Беларуси.

В отличие от «Свободной Европы», задачей «Радио Беларусь» (помимо трансляции информации со всего мира, из региона и из самой Беларуси) была бы роль суррогата оппозиции, свергающей режим, а национальное пробуждение общества; то есть напоминание ему о прошлом, общем наследии и достижениях в масштабах своей страны и Европы, предоставление права голоса представителям различных партий и проекция плюрализма и демократической свободы слова. Обеспечение радиостанции, по примеру «Свободной Европы», сетью корреспондентов (если возможно, то в Беларуси, если нет, то в столицах окружающих ее государств) гарантировало бы поступление информации о тех аспектах белорусской жизни в стране и за границей, которые не находят места в СМИ, контролируемых государством. Как показал пример «Свободной Европы», можно пробудить чувство национальной гордости, избегая при этом националистической пропаганды. Радио «Свободная Европа» не без успеха старалось воспитать слушателей в духе сближения и дружбы с другими народами.

Приезжайте к нам

Вторым, параллельным инструментом партнерского польско-американского сотрудничества могло бы стать приглашение молодых потенциальных белорусских лидеров посетить Польшу с целью ознакомления с польским территориальным и экономическим самоуправлением и негосударственными гражданскими инициативами. Такие инициативы также существуют в Беларуси. Непосредственный контакт с их коллегами в Польше мог бы их значительно усилить. С точки зрения большей результативности таких стипендиальных программ лучшие итоги можно получить, пригласив в Польшу тысячу человек на одну неделю, чем десять человек на один год. Соединенные Штаты послужили успеху независимого польского государства, обучая в Америке и Западной Европе кадры будущих архитекторов свободной экономики освобожденного государства. Эту же самую апробированную методику можно повторить в отношении Беларуси.

Это лишь горсть идей, каким образом можно активизировать польскую восточную политику с пользой для собственной и европейской безопасности.



V.
Литва

О, Литва, отчизна моя!

«Rzeczpospolita», 5 декабря 1998

В деле следующей фазы расширения НАТО еще не приняты решения. В них не может отсутствовать голос Польши.

Громким эхом в Литве отозвалась октябрьская резолюция, утвержденная Советом директоров конгресса американской Полонии. По неизвестным причинам ею не заинтересовались польские СМИ, поэтому стоит изложить ее целиком.

В ответ на многие обращения, направленные к Польше и Полонии со стороны литовского правительства, Сейма и общества, Совет польских директоров конгресса американской Полонии на своем заседании в Чикаго 29 и 30 октября выразил решительную поддержку стараний Литвы по вступлению в НАТО в следующем этапе расширения альянса.

Польша и Литва являются сегодня двумя независимыми государствами, но они напоминают двух сестер, делящих взаимное прошлое. Полония сильно поддерживала Литву, когда та отважно бросила советскому великану вызов в 1990 году и собственным примером повела народы Советского Союза к свободе. Безопасность Литвы находится в интересах Соединенных Штатов и мира в Европе. Мы убеждены, что польско-американское общество, верное нашему девизу «За нашу и вашу свободу!», будет поддерживать вступление Литвы в альянс с тем же самым энтузиазмом, какой она показала в борьбе за присоединение к НАТО нашей страны, Польши.

Я несомненно считаю это решение историческим. Оно было принято в присутствии посла Литвы Стасиса Соколаускаса, приехавшего из Вашингтона, чтобы от имени президента Литвы Вальдаса Адамкуса торжественно заверить присутствующих, что он не подпишет Закон о реформе территориальных самоуправлений в Литве, где преобладают поляки, если они будут умалять собственность поляков в гминах и повятах. Посол сообщил также Совету Полонии, что у закона нет больших шансов быть принятым литовским Сеймом. Заявление посла успокоило опасения американских поляков по поводу прав наших соотечественников в Литве.

Дружеский настрой поляков по отношению к Литве продиктован не политическими или экономическими интересами, а симпатией, уходящей своими корнями далеко в прошлое. В политике не стоит пренебрегать симпатиями. Чем иным, как не теплым чувством, является любовь к родине, двигатель начинаний государства и его граждан? Литва была отчизной нашего самого великого поэта-пророка Адама Мицкевича, родиной Тадеуша Костюшко и Юзефа Пилсудского, а также одного из наших современных самых великих поэтов, лауреата Нобелевской премии Чеслава Милоша, родившегося в Шетени в Литве в старой литовской семье.

Сегодняшняя Республика Польша не хочет доминировать ни над Литвой, ни над Украиной, ни над Беларусью. Не хочет у них ничего отбирать и даже проявляет готовность бескорыстной помощи. И именно это делает Польшу силой, привлекательной для соседей на восточных границах. А одновременно с этим, как я это вижу в моих контактах с американской политической элитой, Польша тем самым улучшает свою позицию и образ в мире.

Эта усиливающееся положение Польши вызывает практически маниакальное раздражение и страхи бывшей советской, а сегодня российской политической элиты. Российская пресса открыто обвиняет Польшу в амбициях воскрешения предраздельной Речи Посполитой обоих народов и вытеснения России из ее бывших «владений» и сферы влияний. Ощутимы доказательства скрытой операции, направленной против польского влияния в международном и региональном масштабе, проводимой ФСБ. Она состоит в усилении антагонизма в столкновениях с украинцами, литовцами и еврейской диаспорой.

Но не только симпатией продиктовано желание выступать в роли союзника Литвы на международном форуме. Включение Литвы в НАТО находится, как правильно подчеркивает резолюция Конгресса Полонии, в интересах не только Польши, но и Америки. Россия наверняка не перевоплотится из противника в партнера Америки и своих соседей, пока ее элита не смирится с потерей империи. А это может случиться лишь тогда, когда возможности получения главенства над соседями будут заблокированы расширением НАТО и перестанут быть реальными. Включение Литвы в следующую очередь необходимо для преодоления российских притязаний в трактовке всего региона бывшего СССР как исключительной сферы интересов Москвы. Пока что только Литвы, поскольку одновременное включение в НАТО всех трех прибалтийских стран не нашло бы еще сегодня поддержки в Конгрессе США.

Американские сенаторы, недавно побывавшие в Варшаве, не могли перестать удивляться, почему высший правительственный сановник спросил их, каковы шансы принятия в альянс Словении. Они задумались,


почему в этом вопросе не присутствуют два непосредственных соседа Польши — Литва и Словакия? Изначально Словакия находилась в списке четырех государств Вышеградской группы, которые должны были быть приглашены в альянс в первую очередь.

Автократическое правительство Владимира Мечьяра и его пророссийская направленность послужили тому, что Словакия выбыла из списка. Словаки в демократических выборах свергли Мечьяра в надежде, что возвращение к полной демократии откроет им дорогу в Евросоюз и НАТО. Если эти ожидания не оправдаются, то их западная ориентация может пошатнуться и пророссийские сторонники Мечьяра могут снова вернуться к власти. Если бы когда-нибудь южный сосед Польши попал в сферу российского влияния, это бы значительно ухудшило стратегическое положение Польши. Над нами уже нависает с севера российский калининградский анклав, преобразованный в военный плацдарм. Это причины, по которым включение в НАТО, как Словакии, так и Литвы, является принципиальным делом для безопасности Польши.

К сожалению, недавно произошли события, нанесшие серьезный урон прозападной и пропольской литовской ориентации и ее лидеру, президенту Вальдасу Адамкусу. Без всяких причин Литва была исключена из переговоров по Евросоюзу, на которые была приглашена не только Эстония, но и Латвия. Это произошло несмотря на тот факт, что в Литве в последние два года наблюдается значительный экономический прогресс, укрепляющий систему свободного рынка. В Вильнюсе было болезненно воспринято абсолютное молчание польского правительства в отношении этого обидного решения. С беспокойством в Вильнюсе восприняли и то,

что президент Александр Квасньевски во время своего недавнего визита в Литву неопределенно заявил, что двери в НАТО должны быть открыты, при этом с неожиданным напором заявил, что безопасность континента не мыслится без участия России и Украины, и одновременно воздержался от поддержки литовских стремлений. Это удивительно, поскольку президент Квасньевски до сих пор считался главным поборником дружбы и сближения с соседями Польши. Мои литовские друзья спрашивают, не ослабела ли поддержка Литвы у польского соседа?

В деле следующей фазы расширения НАТО еще не приняты никакие решения. Идут переговоры, как в тылу американской администрации, так и среди союзников. В них не может не присутствовать голос Польши. Это не может быть голос американского сателлита или голос бывшего сателлита Москвы, который по привычке не хочет конфликтовать с большим братом. Польша способна быть самостоятельной.



VI.
Исторические
дилеммы

В клещах⁹

«Gazeta Wyborcza», 9 августа 1994, № 184

Сталин 8 августа 1944 года решил перейти к обороне на всей полосе действий.

Президент Ельцин не принял приглашения приехать в Варшаву на юбилей 50-летия Варшавского восстания, а в заявлении, зачитанном его посланником Сергеем Филатовым, не было слов «приношу извинения», которых ожидали поляки. В комментариях российской прессы полякам напоминали, что это не русские уничтожили Варшаву. Как же в свете фактов выглядит доля ответственности Советского Союза за поражение восстания?

Тихое решение

Штаб Первого Белорусского фронта в депеше, высланной Сталину 8 августа 1944 года, представил план взятия Варшавы большим окружающим маневром с юга и с севера. Этот план Сталин отверг. Рокоссовский получил приказ ограничиться занятием польской Праги и ликвидировать немецкий «мешок» на востоке от Вислы и Нарева. После выполнения этого задания 1-й Белорусский фронт должен был «перейти к обороне на всей линии фронта».

Этот приказ не только обрекал на поражение Варшавское восстание. Он обозначал смертный приговор

⁹ Название дано редакцией.

столице Польши, ее миллионному населению, более чем 30 тысячам повстанцев, не считая множественных коммунистических отрядов Армии Людовой, а также военного и гражданского руководящих центров страны. Задержка наступления была бесчеловечным преступлением, тем более жестоким, что решение не было сообщено ни союзникам, ни руководству Армии Крайовой, которые, напрасно ожидая помощи, держались до 2 октября в отчаянной, ожесточенной оборонительной борьбе, поглощающей день за днем тысячи человеческих жизней.

Является ложью

Во вторую годовщину восстания Союз ветеранов Армии Крайовой в Лондоне организовал публичное собрание под названием «Обвиняю». Обвинительный акт осуждал Россию за умышленную задержку наступления на подступах к Варшаве, основывался на показаниях свидетелей и данных, касающихся военного положения до и после восстания, а также доступных в то время документов. Среди них отсутствовали советские приказы и оперативные сводки.

С того момента прошло почти полвека. Советские публикации, особенно дневники Рокоссовского, Жукова или Чуйкова, были призваны отражать официальную линию советской пропаганды и, соответственно, либо скрывать факты, либо их переиначивать, иногда неохотно приоткрывая краешек правды. Владимир Волошин, автор работы «На варшавском операционном направлении», изданной в Польше в 1964 году и до сих пор актуальной, в заключение утверждает, что «ложью является то <...>, что советские войска умышленно задержались

при наступлении на Варшаву». В тексте же он приводит документы и факты, вступающие в явное противоречие с этим заключением. В известном предисловии подполковник Станислав Коморницкий пишет, что обсуждение «Варшавской битвы 1944 года» до этого времени было неполным вследствие незнания советских источников, и дает понять, что Волошин в первый раз имел возможность использовать некоторые неизвестные до тех пор советские документы. Остались, правда, как утверждает Коморницкий, «серьезные пробелы», однако из списка использованных источников в конце книги следует, что подполковник Коморницкий получил доступ к 13 архивным папкам Министерства обороны СССР. В них он наткнулся на план варшавской операции 8 августа 1944, «главной целью которой было освобождение Варшавы», а также на приказ Сталина, отменяющий этот план.

Все пути открыты

Увидевшие свет к этому времени документальные немецкие и советские источники, а также открытые архивы Польской рабочей партии (ППР) и Армии Людовой по-прежнему открывают лишь фрагменты исторической правды. Однако уже сейчас из них складывается картина удивительного сходства оценки военного положения последних дней июля 1944 года в четырех точках: в Москве, в командовании 9-й немецкой армии, в штабе Армии Крайовой и у варшавского коммунистического руководства. Сталин предвидел взятие польской столицы в срок до 6 августа, штаб Рокоссовского считал, что это произойдет с 5 по 8 августа, немцы в «Журнале действий 9-й армии» 30 июля отметили, что «ситуация под Варшавой становится опасной», а на варшавский район Прага

«все пути открыты, и она почти безоружна». Как следует из документов ППР, генерал Франтишек Юзьвяк на совещании штаба Армии Людовой 27 или 28 июля сообщил присутствующим, что следует учитывать «освобождение» Варшавы в ближайшие дни, в связи с чем решено мобилизовать и привести в готовность отряды Армии Людовой в городе. Главной их задачей в момент наступления русских было взятие правительственных зданий, почты и вокзалов, чтобы обеспечить захват власти ППР.

Крайова Рада Народова должна была расположиться в здании Ратуши. Коммунисты собирались обратиться к миру в роли хозяев столицы. Коммунистическое руководство до самого конца не верило, что Армия Крайова вступит в бой. ППР, оценивая количество своих членов в 1100 человек, чувствовала себя очень слабой, чтобы рассчитывать на овладение городом собственными силами. Старались, однако, вызвать у людей стихийный порыв. 30 июля было подготовлено воззвание «К борьбе, Варшава!», призывающий жителей к спонтанному восстанию. Обращение это, похожее по содержанию на воззвание радиостанции «Костюшко» в предыдущий день, уже не успели разместить на плакатах.

Подвела разведка

Генерал «Бор» в отправленной в Лондон 21 июля телеграмме точно отмечал, что немцы на востоке потерпели поражение, и у них нет сил, чтобы вернуть инициативу.

Перед началом большого июньского наступления русским удалось с помощью множественных отвлекающих маневров незаметно для немцев перебросить большую часть своих сил с Украины в Белоруссию. В то

время как немецкое руководство ожидало удара на юге и здесь сконцентрировало около половины своих пехотных дивизий и около 80 процентов танковых войск, русские скопили в Белоруссии около 40 процентов пехоты и танковых сил, а также около половины авиации. Таким образом, был достигнут подавляющий перевес над противником: двукратный по количеству человек, трехкратный по количеству орудий, свыше чем четырехкратный по количеству танков и самолетов. Одновременно подготавливалось внушительное снабжение. В течение трех недель перед наступлением трем Белорусским фронтам и Прибалтийскому фронту доставили 75 тысяч вагонов боеприпасов, оружия, топлива и питания. Размеры этой огромной концентрации свидетельствуют, как далеко обозначены были цели наступления на главном стратегическом направлении, следующем через Варшаву на Берлин.

Окружающий маневр

Огромная масса советских войск 23 июня двинулась на неприятеля, разбила немецкий фронт в центре, полностью уничтожила 25 дивизий, сотворив брешь протяженностью около 400 километров. Войска правого фланга 1-го Белорусского фронта, достигая скорости продвижения от 25 до 30 километров в день, 18 июля дошли до Буга и форсировали реку.

Поспешная передислокация немецких войск с юга открыла, в свою очередь, ворота для наступления 1-го Украинского фронта, начатого 13 июля. Войска Конева прорвали фронт, дошли до Вислы под Сандомежом и пересекли ее, заняв на противоположном берегу широкий и глубокий плацдарм под Баранувом. Наконец, третий

удар, совершаемый левым флангом 1-го Белорусского фронта, начался 18 июля из-под Ковеля. Советские войска, наступающие на этом направлении, пересекли Буг, заняли Хелм, Люблин и 26 июля, то есть через неделю, дошли до Варшавы. Здесь заняли плацдарм на юге от Пулав, после чего совершили неожиданный разворот и начали двигаться вдоль правого берега Вислы к Праге.

Это движение ввело в заблуждение немцев, решивших, что Прага является главным направлением советского наступления. В то же время 8-я гвардейская армия, дойдя до Мангушева, снова резко сменила направление — в этот раз на запад. Не встречая серьезного сопротивления, она форсировала Вислу и заняла плацдарм в 50 километрах к югу от столицы, переместив туда значительную часть своих сил. Оттуда, согласно плану Рокоссовского, должен был начаться окружающий маневр, который бы завершился взятием левобережной Варшавы. Русские, ободренные успехами, предприняли попытку также с ходу занять Прагу и захватить варшавские мосты силами 2-й танковой армии. Случилась гонка: немцы торопились пригнать на подступы к мосту, прежде всего, элитные танковые дивизии СС «Герман Геринг» и «СС-Викинг», а советская 2-я танковая гвардейская армия спешила с юго-востока.

Задержка наступления

Накануне начала восстания линии обороны пражского плацдарма были уже в нескольких местах прорваны. Отвоцк, Радошч, Милосна, Окунев и Радзымин находились в руках русских. 31 июля в Москве Миколайчик предупредил Молотова, что в Варшаве со дня на день начнется восстание. В этот же день командующий

АК издал в 17:45 приказ о восстании, назначая время «Ч» на 17:00 1 августа 1944.

В тот день в 4:10 утра, то есть за 13 часов до начала сражений, командующий советской 2-й танковой армии дал отдельным корпусам приказ задержать наступление и перейти в оборону, удерживая занятые позиции. (Боевой приказ № 23 Штаба 2-й гвардейской танковой армии от 01.08.1944 в 04:10.) Это задание не успел выполнить 3-й танковый корпус, который, окружая Прагу с востока, после взятия Радзымина и разрыва линий коммуникации на северо-востоке немецких укреплений возле мостов, дошел до Беняминува и оказался в клещах четырех немецких танковых дивизий. 3-й танковый корпус потерял в трехдневном сражении 76 танков, но не был уничтожен. Он отступил из Радзымина и занял оборонительную позицию в нескольких километрах с юга от Варшавы, на уровне Окунева. Следует подчеркнуть, что это поражение произошло уже после приказа, останавливающего наступление в направлении Праги, данного на рассвете 1 августа. Похожий приказ перейти в оборону дал Рокоссовский силам правого фланга 1-го Белорусского фронта 2 августа.

Пропагандистский маневр

Немцы не могли использовать даже этот локальный тактический успех. Советский приказ перейти в оборону касался только наступления в районе немецких укреплений на мостах перед Прагой. Мангушевский плацдарм в первые дни августа разросся в ширину до 40 километров и до 10 километров в глубину. После броска через Вислу в этом месте всей 8-й гвардейской армии немцы осознали, что русские могут занять Варшаву, зайдя в их тыл с юга. Командование немецкой

9-й армии начало поспешный переброс сил от пражских предместий под Мангушев. Как следует из записей «Дневника 9-й армии», немцы предполагали, что противник будет стремиться к соединению и расширению трех плацдармов на западном берегу реки и сконцентрирует там серьезные силы для нового наступления. Попытки разрушить эти планы с помощью ликвидации Мангушевского плацдарма концентрированным ударом трех немецких танковых дивизий, перемещенных из-под Праги, окончились неудачей. 10 августа немцы посчитали, что русские войска сосредоточены и наступление в любой момент может возобновиться.

План, представленный Рокоссовским Сталину 8 августа, в точности совпадал с немецкими предположениями. В соответствии с ним Варшаву намеревались вырвать из немецкой линии широкими сдавливающими движениями с юга и с севера. Правый фланг 1-го Белорусского фронта выступал с севера из-под Нарвы и достигал Плонска и Чеханува. Левый фланг, двигаясь с юга, должен был занять Сохачев, Скерневице и Томашув Мазовецкий, вынуждая немцев отступить под угрозой окружения. Отдельную, пропагандистско-политическую роль отводили армии Берлинга, которая 8 августа была перемещена на Мангушевский плацдарм. В последней фазе операции она должна была, двигаясь вдоль западного берега Вислы, первой войти в столицу в момент отступления немцев из города.

Мнимая помощь

План варшавской операции отличался от помощи, с которой американцы поспешили при восстании в Па-

риже. Эйзенхауэр стремился быстро спасти столицу Франции. План Рокоссовского должен был убрать помехи, препятствующие маршу на Берлин, к победоносному завершению войны. Варшавская операция предусматривала пятидневную паузу после завершения ее первого этапа. Конечная фаза, ведущая к освобождению польской столицы от немцев, должна была начаться лишь 25 августа. Занять Варшаву должны были, по всей видимости, в конце месяца.

Волошин старается оправдать Сталина и объясняет отмену плана варшавской операции наступлением на Балканах, начатым 20 августа. Это оправдание, однако, не выдерживает никакой критики. Силы немцев и их союзников были очень слабы к югу от Карпат, чтобы суметь произвести какое-либо воздействие на северное наступление. Отдельные фронты Красной армии были полностью самостоятельны с точки зрения снабжения. Штаб 1-го Белорусского фронта, по всей видимости, ощущал в себе силы для осуществления своего плана.

Штаб Рокоссовского сразу после получения приказа Сталина приступил к разработке линии обороны на всей протяженности действий 1-го Белорусского фронта с момента взятия Праги и оттеснения немцев за Вислу и Нарев. План, предусматривающий отрезки обороны для отдельных частей и группировок (среди прочих армии Берлинга), был отправлен в генштаб 4 сентября, то есть за неделю до начала наступления на Прагу.

На этих оборонительных позициях советские войска должны были оставаться до возобновления генерального наступления в середине января 1945 года. Десант в Черняков и Жолибож, а также броски армии Берлинга после взятия Праги должны были иметь характер, симулирующий помощь для Варшавы, и служить

пропагандистско-политическим целям. План Берлинга, который в результате соединения десантных отрядов и сражающихся в городе сил догорающего восстания должен был в конечном итоге привести к захвату Варшавы, не получил поддержки 1-го Белорусского фронта. Берлинг же после провала операции был уволен из командования 1-й армии Войска Польского.

Игра генералиссимуса

Между концом июля и 8 августа случились два события, которые повлияли на смену намерений Сталина в отношении Варшавы. В городе вспыхнуло восстание Армии Крайовой, в Москве проходили переговоры с Миколайчиком. Премьер Правительства Польши в изгнании прибыл в столицу СССР с планами отправиться напрямую из Москвы в освобожденную от немцев Варшаву, чтобы организовать там «дружественное» правительство, составленное из четырех партий и коммунистов. В Лондоне 10 июля 1944 года в разговоре со свидетелем этих слов — эмиссаром Главнокомандующего АК из Варшавы — премьер Миколайчик выразил убеждение, что Сталин, имея выбор между правительством большинства, готовом к лояльному сотрудничеству с СССР, и правительством с меньшинством коммунистов, навязываемым и удерживаемым силой (заранее было понятно, что это будет плохо воспринято западным миром), в собственных интересах выберет первый вариант.

Когда Миколайчик 3 августа представил свою концепцию в Кремле, Сталин ее отверг. Так же ее отверг Люблинский комитет. Берут предложил Миколайчику стать во главе правительства, в котором из 18 портфелей только четыре достанутся премьеру, а остальными

будет располагать Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Присутствие в правительстве Миколайчика и нескольких человек из его окружения не нарушило бы монополии зависящей от Москвы коммунистической власти, а одновременно позволило бы сохранить — в глазах мира и польского общества — видимость учета мнения всех политических сил страны. Разговоры в Кремле напомнили Сталину, что главным козырем Миколайчика являлась опора на политические силы, сосредоточенные в Варшаве. Ликвидация этих сил немецкими руками открывала советскому представителю путь политического покорения Польши.

Накануне начала июньского наступления в Белоруссии советский посол в Лондоне Лебедев в беседе с Миколайчиком не принял его предложение заключить соглашение по вопросу координации военных действий АК с верховным советским командованием. Это была последняя польская попытка привести обе стороны к военному сотрудничеству. Можно предположить, что повстанческие действия, скоординированные с флангом 1-го Белорусского фронта в конце июля — начале августа сделали бы невозможным для немцев, или по меньшей мере бы задержали, перевод сил в пражские предместья и далее на Мангушевский плацдарм. Варшава была бы освобождена от немцев в первую неделю августа. В намерениях Сталина политические мотивы борьбы за Польшу взяли верх над предпосылками военного характера. Даже над более быстрым взятием Берлина.

В Париже иначе

Партийная пропаганда, не только в Польше, старалась оправдать решение Сталина аргументом, что вос-

стание политически было направлено против России. Это типичный поворот правды вверх ногами, который из овцы делает агрессора, а из волка жертву. Ответом были слова генерала «Бора», произнесенные перед микрофоном «Радио «Свободная Европа»:

«Отчего отрядам французского Сопротивления, которые рвались к борьбе за освобождение Парижа, не вменялось, что их борьба была направлена против Англии и Америки?.. Восстание в Париже вспыхнуло неожиданно и удивило командование союзников. Генерал Эйзенхауэр изменил планы и направил удар прямо на Париж. Почему не утверждается, что восстание в Париже было нацелено против союзников? Просто обе эти империи хотели освободить, а не поработить Францию».

Генерал Шарль де Голль, который, не посоветовавшись с союзниками, дал приказ о восстании в Париже, объяснял:

«Я знал, что некоторые источники движения Сопротивления желали использовать состояния воодушевления и, может быть, анархии, которые вызвали бы сражения в столице, чтобы захватить в свои руки власть, прежде чем я успею это сделать. Не подвергается сомнению, что именно такие намерения присущи коммунистам.

Кроме прочего, я считал необходимым, чтобы сами французы взяли за оружие в Париже, прежде чем в город войдут союзники, чтобы сам народ был причастен к поражению захватчиков, а освобождение столицы имело характер всенародной французской военной операции. Поэтому я не пасовал перед риском и поднял восстание».

Патриотизм в тени Кремля

«Gazeta Wyborcza» 23 февраля 1998, № 45

В ПНР, несамостоятельном государстве, Рышард Ежи Куклиньский исполнял военный долг защиты родины, решившись на сотрудничество с западными союзниками Польши. Свой долг выполнял также и Войцех Ярузельский, стараясь с позиции союзника Москвы избежать кровопролития в 1981 году. Реалии навязали именно такое разделение ролей.

Из недавнего опроса Demoskop следует, что одна треть опрошенных поляков до сих пор видит в Куклиньском изменника, меньше чем треть — героя, а остальным всё равно, защищал ли кто-то свою страну или предавал.

О Куклиньском уже очень много написано. Я возвращаюсь к этому вопросу, потому что здесь речь идет больше, чем о репутации одного человека. Отношение к Куклиньскому стало критерием, определяющим, что было в годы ПНР изменой, а что заслугой. Мы должны узнать, что есть принципиальная разница между независимой Республикой Польшей, которая руководствуется интересами собственного государства, и ПНР — подневольной страной, подчиняющейся советской гегемонии. Следует ли считать действия, направленные против Советского Союза, изменой, совершенной в отношении Польши?

На этот вопрос ответил генерал Ярузельский, вступающий в Кремле в 1984 году по случаю вручения ему Ордена Ленина, наивысшей награды СССР: «Объединяет нас классовый, то есть неделимый союз. За-

щищать его — значит, одновременно защищать Польшу и Советский Союз».

Эта речь была верноподданническим актом. Защита Союза на самом деле означала защиту вассальной зависимости государства от чужой мощи. Можно ли нарушение подневольной воинской присяги на верность Союзу считать актом измены?

Что нам грозило?

Чтобы осудить Куклиньского, нужно сначала ответить на вопрос, кто на самом деле — Советский Союз или Америка — был для Польши союзником, а кто врагом?

Соединенные Штаты в годы ПНР были единственной державой, которая ставила себе целью освобождение поработенных стран мирными способами. Польше грозила Россия, а не Америка. Смертельная угроза таилась в идеологии марксизма-ленинизма, которая стремилась к господству коммунизма в мировом масштабе. Эта идеология навязывала планы и подготовку к наступательной войне за свержение капитализма.

Советские оперативные планы грозили Польше полным уничтожением. Удар по Западной Европе должны были начать военные силы Варшавского договора, размещенные в Восточной Германии, Польше и Чехословакии. Неожиданный удар и лавинообразные атаки отсюда были призваны застать противника врасплох и обеспечить успех. Польские войска должны были атаковать северную Германию, Данию, Бельгию и Люксембург, а польский солдат должен был проливать кровь в боях за Копенгаген, Гамбург и Брюссель.

С этим первым ударом должен был прийти так называемый «второй стратегический эшелон», обеспечи-

вающий Советам сокрушительное превосходство и быстрый доступ к Атлантике. Через Польшу должна были пройти из России двухмиллионная армия. Не нужно быть стратегом, чтобы понять: НАТО могло предотвратить поражение только посредством ядерного удара, который уничтожил бы коммуникации, проходящие через Польшу. Ей угрожало 300–400 ударов ядерными снарядами, способными превратить страну в радиоактивную пустыню.

Советские приготовления к войне требовали координации с польским штабом. Действия человека, который в силу своих штабных обязанностей знал и, стараясь предотвратить эти планы, предупредил о них Соединенные Штаты, по прошествии времени должны считаться примером героизма или предательства?

К счастью, Москва не поддавалась искушению и отступила перед риском войны. Польша же оказалась в 1980–1981 перед угрозой советского вторжения при участии армий ГДР и ЧССР. В составе руководства партии действовала тогда группа настоящих предателей. Они тайно добивались введения советских войск, которые не только уничтожили бы «Солидарность», но также свергли бы партийно-правительственную верхушку для захвата власти. Это был акт измены не только собственной стране, но и собственной партии. Куклинский придал гласности их фамилии. Это были Стефан Ольшовский, Тадеуш Грабский, Станислав Кочёлэк, Анджей Жабиньский и несколько менее значимых фигур, и в армии — генерал Эугениуш Мольчик, генерал Влодзимеж Савчук и другие.

Эта информация была полностью подтверждена в докладе профессора Манфреда Вильке для Комиссии конституционной ответственности Сейма. Вильке ссы-

лается на сборник документов ГДР, составленный и опубликованный в Берлине.

Заговорщики удерживали тайные контакты с советским посольством в Варшаве, с маршалом Виктором Куликовым и его представителем Афанасием Шегловым, строили планы с Хонеккером, Гусаком и Живковым. Они не только призывали к интервенции, но и добились применения самых жестких методов к деятелям «Солидарности», настаивали на том, что классовая борьба не может проходить без кровопролития. Десять тысячtrupов должны были обеспечить десять лет мира. Ночные аресты должны были стать новой «ночью длинных ножей».

По мнению Куклинского, кровавой расправы над деятелями «Солидарности» добивался также полковник Бронислав Павликовский, директор управления МВД. Вместо интернирования должны были проводиться чрезвычайные суды и массовые экзекуции, как в Венгрии в 1956. Легко предположить, что ждало бы Польшу, лишись она десятитысячной элиты, которую породила «Солидарность». Страна стала бы телом без позвоночника, неспособным к какому-либо сопротивлению.

Усилия предателей больше всего поддерживал Эрих Хонеккер, вождь восточно-немецких коммунистов, преследуя в этом и свои интересы. Эти старания имели успех. Как утверждает Манфред Вильке на основании документов ГДР, в мае 1981 в Кремле состоялась встреча Брежнева, Хонеккера и Гусака. На этой встрече был создан план по устранению Кани и Ярузельского до июльского съезда партии и замены их «настоящими марксистами-ленинистами» — Грабским, Ольшовским, Кочёлэком и Жабиньским. Хонеккер предоставил работанную заговорщиками оценку членов ЦК ПОРП.

На ее основании русские подготовили список кадровых перестановок. Возник план создания в составе ПОРП фракции «настоящих коммунистов», состоящей примерно из 50 членов ЦК и 200 местных аппаратчиков. Как следует из советских документов, Брежнев 9 апреля 1981 оповещал Политбюро, что товарищи Грабский, Ольшовский и другие предлагают организовать подпольное Политбюро. Эту мысль ему подсказал товарищ Живков.

Как утверждает Манфред Вильке, скрытым информатором посольства ГДР в Варшаве был Михал Атлас, руководитель отдела ЦК ПОРП. Атлас подталкивал к конфронтации в тайных депешах немцам.

Из планируемого путча ничего не вышло. Оказалось, что заговорщики не имеют достаточной поддержки даже в собственной партии. В Кремле их посчитали бесполезными, поскольку они рассчитывали исключительно на «братскую помощь», а Москва желала, чтобы ее выручили сами поляки. Хонеккер добивался осенью 1981 снятия с должности первого секретаря Станислава Кани и замещения его Ольшовским. Русские сняли с должности Каню, но заменили его Ярузельским.

Генерал Ярузельский признал, что Ольшовский, Грабский и другие совершили акт предательства. Но главный обвинитель полковника Рышарда Куклиньского не сделал из этих фактов никаких выводов, не подал на предателей заявление прокурору. Не сделали этого и те, кто обвинял Ярузельского. Ни документы ГДР и советского Политбюро, ни открытия Вильке не побудили никого провести расследования, установить правду и отдать предателей в руки правосудия.

Защищая биографии

Здесь мы имеем дело с самым большим парадоксом сегодняшней реальности. Рышард Куклинский — человек, который, действуя в одиночку и рискуя всем, что имел, в том числе собственной жизнью, хотел защитить свою страну от катастрофы — третью общества считается предателем. В то время как настоящие предатели, старавшиеся навлечь самую большую беду, которая могла бы охватить Польшу, пользуются безнаказанностью, получают высокие пенсии и никогда не сталкивались с общественным порицанием.

Документы, собранные в ГДР, не были опубликованы в Польше, до сих пор не проведено никаких расследований — уже не с целью наказания виновных, а, по меньшей мере, раскрытия и установления полной правды.

Как объяснить этот парадокс? Ричард Дэвис, бывший посол США времен Герека, рьяный противник принятия Польши в НАТО, до недавнего времени убеждал: нельзя доверять стране, в которой значительная часть общества и, вероятно, весь офицерский состав до сих пор считают НАТО и Соединенные Штаты врагом, а оказываемую им помощь — предательством.

Утверждение Дэвиса не соответствуют правде. Противоречат ей результаты опросов, которые показывают, что 80 процентов поляков желают раскрытия защитного зонта НАТО над Польшей. Штабные работники Пентагона и НАТО, которые непосредственно имеют дело со своими польскими коллегами, не сомневаются, что польские военные силы будут лояльным и ценным союзником, заслуживающим полного доверия. Так что мы должны искать объяснений где-нибудь в другом месте.

Часть людей, обвиняющих Куклиньского, просто не знает основных фактов. Процесс заочного военного суда над ним проходил в ПНР в 1984 в глубокой тайне от общества. Через 13 лет после него, в прошлом году, было опубликовано лишь постановление военной прокуратуры, отменяющее приговор 1984 года. Документы и доказательства, которые свидетельствуют о невиновности обвиняемого, по-прежнему скрыты от общественного мнения. Эта ситуация оскорбительна для правового акта юстиции.

Общество имеет право знать полную правду. В это понятие входят и показания, данные Куклиньским представителям военной прокуратуры в Вашингтоне летом прошлого года, его рапорт, передаваемые американцам оперативные военные планы Варшавского договора, известные Куклиньскому с 1964, а также показания свидетелей, данные военному суду в 1984 году. Существенное значение для дела имеют также высказывания американцев и их оценка его роли и заслуг, которые Куклиньский оказал союзникам, в частности, публичные высказывания бывшего работника ЦРУ Дэвида Фордена, который поддерживал в Варшаве контакт с полковником.

Сегодня я знаю больше обычного читателя прессы, поскольку мне известны документы, доступные защитникам Куклиньского, Комиссии конституционной ответственности Сейма, и документы, находящиеся в руках самого Куклиньского. Раскрытие всей этой документации переубедило бы польское общественное мнение в том, что Куклиньский действовал по собственной инициативе, не получал от американцев никакого вознаграждения и рисковал собственной жизнью и судьбами своих близких, руководствуясь патриотическими мотивами. У него был доступ к тем советским тайным планам с 1964 года,

а не с 1978 года, как утверждает Ярузельский. Никто не поверит, что после восьми лет независимости Польши и распада СССР эти планы должны оставаться под замком как военная тайна. Причины их утайки совсем другие.

Большинство тех, кто все еще видит в Куклинском предателя, осмысленно или подсознательно защищает свои биографии и достижения. Многие поддаются пропаганде генерала Ярузельского, который в защиту своей чести утверждает, что если Куклинский — герой, то всех, кто не пошел по его стопам, необходимо считать предателями.

Опровержение этого тезиса, изначально неверного, имеет ключевое значение для сведения счетов общества с собственным прошлым. Здесь идет речь о справедливой оценке человеческого поведения в годы ПНР. Оценке, которая позволит людям гордиться тем, что в условиях порабощения их государства они смогли что-то сделать для своей страны. <...>

Войско «народное», но польское

Чтобы разобраться, кто был героем, а кто предателем, мы должны раз и навсегда определить, чем на самом деле была та формация, которую мы называем Народной Польшей.

Я всегда говорил, что понятие ограниченной суверенности является *contradictio in adiecto* или нонсенсом. Суверенность не может быть ограниченной какой-либо вышестоящей внешней властью, поскольку тогда она перестает считаться суверенитетом и становится автономией.

В области внешней и оборонной политики у ПНР была лишь административная автономия. В полити-

ческом смысле подчинение Москве было полным. Достаточно прочесть воспоминания Ромуальда Спасовского, бывшего заместителя министра иностранных дел и посла ПНР, чтобы в этом убедиться. В то же время во внутренней политике правящая партия имела после 1956 достаточно широкую автономию в определенных, хотя и непостоянных границах, обозначенных высшей властью, то есть Москвой. Эта автономия называлась «польским путем к социализму».

Внутренняя автономия была возможна благодаря тому, что Польша не стала одной из советских республик, не стала частью СССР, а являлась отдельным государственным организмом. Только благодаря этому было возможно значительное отклонение от ортодоксальной советской модели — среди прочего, содержание частных сельских хозяйств, независимость церкви и достаточное поле для свободы слова. Польское государство было порабощено, но сами его отличия составляли большую ценность, которую нельзя было легкомысленно потерять.

Неизменным атрибутом этого отличия было существование собственных вооруженных сил. Это была польская армия не только по названию или по обмундированию и символам — орлам. Она была польской по духу. Это хорошо понимали в Кремле. Там помнили 1956 год, когда под давлением офицерского состава Советы вынуждены были забрать из Польши маршала Константина Рокоссовского и советских консультантов в польских мундирах. Недоверие Москвы по отношению к польской армии, неуверенность в ее поведении в случае вторжения советских войск результативно тормозили намерения повторить в Польше военную интервенцию образца 1956 в Венгрии и 1968 в Чехосло-

вакии. Для большинства польских офицерских кадров факты использования армии против рабочих в Познани в 1956 и на Побережье в 1970, а также участие во вторжении в Чехословакию стали личной трагедией. Это не относится к группе предателей, которые соревновались в сервилизме, усердии и выслуживании перед «большим братом», выходя далеко за границы принуждения.

В то же время среди патриотических элементов в армии была уверенность, что отказ войска повиноваться «большому брату» был невозможен, что это закончилось бы катастрофой. Командующий этой армией — Ярузельский или кто-либо другой — должен был по причине своего положения идти на вынужденные компромиссы в отношениях с Москвой. Если бы он этого не сделал, то его место занял бы кто-то другой, более сговорчивый.

Вопрос сводится к тому, хотел ли этот командующий и имел ли смелость использовать достаточно широкое поле возможностей сопротивления советскому союзнику, либо же в своем повиновении пересекал границы принуждения. С этой точки зрения в будущем история будет судить Ярузельского. Генерал перед этим историческим приговором плохо защищается, уничтожая документы и искажая факты. Это проявляется ярче всего в его высказываниях по делу Куклиньского.

На вопрос в интервью радио «Zet», почему он выступает против оправдания Куклиньского, но при этом не осуждает Зыгмунта Берлинга, который дважды нарушил воинскую присягу на верность Речи Посполитой и совершил измену, перейдя в 1939 на сторону врага, Ярузельский ответил, что Берлинг не совершал измены, поскольку польского государства на тот момент уже не существовало. Это очевидная неправда. Польское госу-

дарство не перестало существовать после оккупации его территории гитлеровской Германией и Красной армией так же, как не перестали существовать оккупированные Бельгия, Дания, Голландия или любое другое государство, захваченное Германией. В Лондоне существовало Правительство Польши в изгнании, признаваемое всеми союзными и нейтральными государствами, а через два года также и СССР. Существовали Польские вооруженные силы на Западе и Польское подпольное государство.

Ярузельский не по адресу направляет также свои благодарности Берлингу за спасение его самого и его семьи, а также других семей, депортированных вглубь России после раздела Польши, совершенного по пакту Молотова—Риббентропа. Армию Берлинга создал Сталин, это он поставил Берлинга во главе, сделав его генералом. Берлинг и его армия были в руках Сталина инструментом в игре за расширение советского господства над Польшей.

Ничто не умаляет при этом боевых заслуг солдат армии Берлинга. Они не по собственному выбору оказались в подчинении Берлинга, а не Андерса.

Высоцкому — да, Лукасиньскому — нет?

Также генерала Ярузельского спросили, что он думает о подхорунжем польской армии Петре Высоцком, который в 1830 году нарушил присягу на верность царю и зажег пламя ноябрьского восстания. Был Высоцкий предателем или героем? Если бы Ярузельский жил в то время, он бы пошел за Высоцким или приказал бы его расстрелять? Генерал сказал, что, конечно же, он после-

давал бы за Высоцким, но он уверен, что нет никакой аналогии между Высоцким и Куклиньским, поскольку первый нарушил присягу открыто и сражался с поднятым забралом, а второй сделал это втайне и сбежал.

В этом ответе кроется двойная ложь — историческая и политическая. Майор Валерьян Лукасиньский, другой офицер польской армии, был приговорен военным судом за тайный заговор против царя. Как и Куклиньский 150 лет спустя, Лукасиньский был конспиратором в царской России. Потомки признали его мучеником, защищавшим народное дело.

Петр Высоцкий послужил примером для других и инициировал восстание, которое было обречено закончиться катастрофой и потерей самостоятельности Царства Польского, управляемого поляками. Куклиньский, отказываясь повиноваться советскому союзнику, был заговорщиком, действовавшим в одиночку. Если бы другие действовали по его примеру, то случился бы повтор Ноябрьского восстания со всеми его последствиями. Но героизм одиночки не означал предательства всех остальных. Здесь существовало, скорее, незапланированное разделение ролей.

Единственный факт, говорящий в пользу Ярузельского, рассекретил не кто иной, как Куклиньский. В интервью, данном организаторам конференции в Яхранке, он сказал, что русские добивались от генерала не вполне умеренного интернирования деятелей «Солидарности», а временной отмены конституции и военно-полевых судов. Ярузельский воспротивился этим требованиям.

Оказывается, даже повинование Ярузельского имело свои границы. Он мог бы сегодня убедительно защищаться, утверждая, что в тогдашнем политическом положении Куклиньский исполнил воинский долг за-

щиты родины, найдя его в сотрудничестве с западными союзниками, так же, как выполнил этот долг Ярузельский, стараясь с позиции союзника Москвы избежать кровопролития или ограничить его. Реалии навязывали именно такое разделение ролей.

Действительность времен ПНР очень сложна. Нельзя ставить Ярузельского в один ряд с генералом Мольчиком, которого Куклиньский прямо называет агентом Москвы. Как нельзя ставить в один ряд Ярузельского и Станислава Каню, который считал возможным избежать военного положения и ставил это выше утраты власти и должности руководителя правящей партии. Куклиньский рисковал не только потерей должности, но собственной жизнью и добрым именем.

Справедливое сведение счетов с прошлым и осуждение ПНР является жизненным интересом Польши. Это мог бы совершить только какой-нибудь чрезвычайный трибунал, составленный из людей с незапятнанными биографиями и моральным авторитетом, способных к справедливой — беспристрастной, лишенной ненависти и жажды возмездия — оценке других. Его задачей было бы не назначение наказаний, а возвращение общей, повсеместно признанной системы ценностей.

Ян Новак-Езёраньский
Восточные размышления
Сборник статей и интервью 1991–2003

Редактор *Т.Ф. Косинова*
Корректор *А.О. Брезман*
Макет *А.Ю. Ходот*

Подписано в печать 24.12.2015

Формат 70×108 / 32.

Тираж 500 экз.

Типография «Береста»